ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-ЛИТЕРАТУРЫ.

Центральная статистическая библиотека

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ — КНИГА 12-я.

12

ДЕКАБРЬ, 1882.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, В. О. 2 лин. 7.

КНИГА 12-я. — ДЕКАБРЬ, 1882.

Стр.

I.—СТИХОТВОРЕНІЯ ВЪ ПРОЗѢ.—**Ив. С. Тургенева** 473

II.—АМЕРИКАНЦЫ — ДОМА. — Очерки американской жизни. — Статья четвертая и послѣдняя.—**В. Макъ-Гаханъ** 521

III.—ВЪ ХУДЫХЪ ДУШАХЪ.—Разсказъ.—**Д. М-инъ** 559

IV.—ЖИЗНЬ ПОЭТА И ЕЯ ОТНОШЕНІЯ КЪ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТИ.—Фердинандъ Фрейлигратъ, его поэзія и переписка.—**В. О.** 583

V.—ДВАДЦАТЬ-ПЯТЬ ЛѢТЪ РУССКАГО ИСКУССТВА. — Статья вторая и послѣдняя.—**В. В. Стасова** 628

VI.—ЗАПАДНАЯ ЛЕГЕНДА О ДОКТОРѢ ФАУСТѢ.—Опытъ историческаго изслѣдованія.—V-VIII.—Окончаніе.—**М. Корелина** 699

VII.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I. На полпути.—II. На Волгѣ.—III. Конецъ.—IV. In memoriam. — **Мартова**. 735

VIII.—ИЗУЧЕНІЯ РУССКОЙ НАРОДНОСТИ.— Историко-литературный обзоръ.—VIII. „Маякъ" и археологическое народолюбіе; изученіе народности малорусской; внѣшнее положеніе народныхъ изученій.—**А. Н. Пыпина** . . . 739

IX.—СОВРЕМЕННЫЙ НОВАТОРЪ ВЪ БОРЬБѢ СЪ РУТИНОЙ.—Автобіографія Дюринга.—**А—и—** 780

X.—ИЗЪ ЛОНГФЭЛЛО —I. Къ дѣтямъ. — II. Въ деревнѣ. — III. На мосту.— IV. Рѣка.—**А. Межениновa**. 804

XI.—ЖЕНСКІЕ ВРАЧЕБНЫЕ КУРСЫ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ. — По воспоминаніямъ и перепискѣ студентокъ.—**Ек. С. Некрасовой**. 807

XII.—ХРОНИКА.—Наше духовное вѣдомство въ 1880 году.—**А. М.** 846

XIII.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Проектъ „общей части" уложенія о наказаніяхъ, его главныя достоинства, спорные пункты и наши desiderata.—Вопросъ о предметѣ и системѣ гражданскаго уложенія. — Мнѣнія по этому предмету К. Д. Кавелина и С. В. Пахмана, и необходимость расширенія предѣловъ гражданскаго законодательства.—Фельдшеризмъ и стаціонарная система предъ судомъ двухъ земскихъ врачебныхъ съѣздовъ. — Новое предложеніе по предмету разработки народной медицины 859

XIV.—ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ.—Варшава.—**Ао.** 887

XV.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Политическіе итоги 1882 года. — Египетскій кризисъ и остиндскія дѣла. — Ирландія. — Внутренняя политика французской республики и революціонныя стремленія. — Мнимый дефицитъ во Франціи.— Центральная Европа и положеніе партій въ Пруссіи.—Австрія и славяне.— Проектъ международнаго третейскаго суда. 902

XVI.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Основы реформъ мѣстнаго и центральнаго управленія, О. К. Нотовича.—Основанія научныхъ государственныхъ строеній и польскій вопросъ, К. Л. Лихганскаго.—Министерство земледѣлія и его мѣстныя агентства, С. Шарапова.—Финансовое право, В. А. Лебедева.—**К.** . 918
Кавелина 929

XVII.—ПОЛЕМИКА, по поводу книги г. Нотовича.—Письмо въ редакцію.—**К. Д.**

XVIII.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ. — Университетскіе безпорядки, по извѣстію „Правит. Вѣстника".—Сужденіе о нихъ въ „Москов. Вѣдом.", на основаніи итальянской брошюры, и собственныя соображенія. — „Власти" предъ судомъ г-на Каткова.—Новая его теорія о тожествѣ службы и печати, и нѣчто о „субсидіяхъ". — Противоположные тому слухи о строгомъ отдѣленіи службы отъ печати. — Что разумѣть подъ словомъ — „писать?" — Concordia parvae res crescunt—не всегда! — Нѣсколько словъ памяти Н. И. Пирогова. 948

XIX.—МАТЕРІАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ.—„Вѣстникъ Европы" въ 1882 г. 969

XX.—АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ авторовъ и статей, помѣщенныхъ въ „Вѣстникѣ Европы" въ 1882 г. 971

XXI.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Иллюстрированная исторія Петра Великаго, А. Брикнера.—Европейскіе писатели и мыслители: В. Гюго, Лассаль, Кондорсэ. Изд. В. Чуйко.—Исторія классическаго періода греческой литературы, Дж. Магаффи, т. I.—О причинахъ современнаго финансоваго и экономическаго состоянія Россіи, и т. д. Н. Шаврова.

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: XVI стр.

ЖЕНСКІЕ
ВРАЧЕБНЫЕ КУРСЫ
ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Изъ воспоминаній и переписки первыхъ студентокъ.

Въ истекшемъ ноябрѣ минуло ровно *десять лѣтъ* со времени основанія женскихъ врачебныхъ курсовъ. Русскому обществу предстояло праздновать этотъ день. Но оказалось, что дѣло, принесшее столько пользы и прочно ставшее на ноги, не имѣетъ средствъ для дальнѣйшаго своего веденія; у курсовъ нѣтъ помѣщенія, а въ Николаевскомъ госпиталѣ они оставлены только на 5 лѣтъ; черезъ 5 лѣтъ за *неимѣніемъ средствъ и помѣщенія* женскіе врачебные курсы должны закрыться!

Праздновать, оказывается, не время.

Желая хоть чѣмъ-нибудь отмѣтить *день перваго ноября 1882 года*, мы рѣшились набросать, на основаніи имѣющихся у насъ писемъ студентокъ перваго выпуска, очеркъ открытія и жизни курсовъ въ первый ихъ годъ. Онъ познакомитъ съ жизнью первыхъ нашихъ труженицъ, отношеніемъ къ нимъ общества, начальства академіи, и также напомнитъ отчасти и о тѣхъ трудностяхъ, какія приходилось переживать женщинѣ, добиваясь учрежденія курсовъ и правъ врача. — Въ заключеніе, мы укажемъ на результаты, какіе успѣли дать въ десять лѣтъ женщины-врачи перваго выпуска.

I.

Экономическія условія русской жизни и общественный переворотъ, совершившійся 19 февраля 1861 года, вызвали и женщину на борьбу за существованіе, потребовали и отъ нея непремѣннаго участія въ трудѣ. Вынужденная силою необходимости, а не модою—какъ казалось тогда многимъ—она заявила свою готовность къ пріобрѣтенію одинаковыхъ съ мужчиною правъ на знаніе и трудъ: заявила потребность высшаго образованія.

Въ 1864 году, въ Россіи въ первый разъ было подано прошеніе о допущеніи женщинъ на медицинскій факультетъ. Совѣтъ факультета, не имѣя на этотъ счетъ никакихъ инструкцій, которыя бы допускали какой-нибудь опредѣленный отвѣтъ, обратился за разрѣшеніемъ вопроса въ медицинскій совѣтъ. Этотъ послѣдній, 21-го мая 1864 года, объявилъ, что онъ не видитъ никикихъ препятствій къ допущенію женщинъ слушать лекціи и получать университетскія степени, необходимыя для медицинской практики. Многіе университеты согласились съ мнѣніемъ медицинскаго совѣта. Теперь недоставало только законной санкціи, чтобы выработать правила о допущеніи женщинъ и ихъ положенія по полученіи ученыхъ степеней. «Число женщинъ, желавшихъ поступить на факультеты, съ каждымъ днемъ увеличивалось. Не имѣя возможности входить прямо открыто въ двери храма наукъ, онѣ стали проникать туда окольными путями; не имѣя законнаго права на занятія, онѣ тѣмъ не менѣе наполняли химическія лабораторіи и анатомическія театры»—говоритъ г. Ціонъ въ своей «Ecole medicale pour les femmes».

И въ стѣнахъ медико-хирургической академіи, и въ стѣнахъ петербургскаго университета появились на скамьяхъ аудиторій, рядомъ со студентами, женщины. Студенты — надо отдать имъ полную справедливость—хорошо встрѣтили своихъ новыхъ товарищей. Въ нихъ не было замѣтно и тѣни того враждебнаго отношенія, какое начали выказывать чуть не съ первыхъ же лекцій нѣкоторые изъ господъ профессоровъ. Вотъ что пишетъ о послѣднихъ М. Михайловъ въ своей статьѣ «Женщины въ университетѣ»:

«Какъ объяснить, что одинъ такой представитель (профессоръ) чтобы отвадить молодую дѣвушку отъ слушанія лекцій естественныхъ наукъ, прибѣгаетъ къ циническимъ выраженіямъ (подслащеннымъ цинической улыбкою) при объясненіи простѣйшихъ явленій и законовъ природы? Какъ объяснить, что другой

такой представитель позволяетъ себѣ сказать тоже молодой дѣвушкѣ, желающей учиться: «Знаемъ мы, зачѣмъ вамъ нужно ходить въ университетъ! жениховъ ищите!»

Всѣ эти оскорбленія, всѣ грубыя выходки терпѣливо выносила женщина, добиваясь знанія и труда. Впереди виднѣлась цѣль—и борьба только больше закаляла силы. Но противники высшаго женскаго образованія взяли верхъ: женщину удалили изъ аудиторій и сдѣлали недоступными ей даже тѣ окольные пути, которыми она пробиралась, крадучись, словно воръ, за законнымъ достояніемъ каждаго человѣка—знаніемъ, наукою.

Въ числѣ изгнанныхъ была г-жа Суслова, наша первая женщина-врачъ. Въ настоящее время она является живымъ укоромъ этимъ ревнителямъ просвѣщенія и нравственности, которые такъ безцеремонно погнали ее искать знанія и добиваться степени врача на чужую сторону, въ чужіе университеты. Только одна г-жа Кошеварова была оставлена въ стѣнахъ медико-хирургической академіи, какъ исключеніе. Она извѣстна какъ первая женщина-врачъ, окончившая курсъ въ Россіи.

Не находя возможности удовлетворить дóма своему желанію въ пріобрѣтеніи медицинскихъ знаній, русскія женщины, ободренныя примѣромъ г-жи Сусловой, большими партіями стали направляться въ Цюрихъ, Женеву, Бернъ, Парижъ, Сорбонну, а впослѣдствіи ради дешевизны проѣзда и самой жизни—на сѣверъ, въ Гельсингфорсъ. Другія, за неимѣніемъ средствъ ѣхать за-границу, готовились, сидя дома, терпѣливо ожидая, когда имъ отопрутъ двери русскаго университета.

Но шли года... а на дверяхъ русской alma mater попрежнему висѣлъ желѣзный замокъ. Ожиданія и надежды не осуществлялись!.. терялось терпѣніе... Работа въ анатомическомъ театрѣ, слушаніе лекцій на открывшихся въ Петербургѣ и Москвѣ курсахъ удовлетворяло мало. Желавшія основательныхъ медицинскихъ знаній смотрѣли на общеобразовательные курсы, какъ на подготовительную ступень къ своимъ спеціальнымъ занятіямъ и слушали исключительно математику и физику, знаніе которыхъ было необходимо для вступительнаго экзамена въ университетъ.

Въ Москвѣ, между тѣмъ, при одной изъ больницъ (Старой Екатерининской), благодаря докторамъ больницы, открылись фельдшерскіе курсы (впослѣдствіи прозванные слушательницами «Московской академіей») [1]) съ подробнымъ курсомъ анатоміи на тру-

---

[1]) Эти курсы надо считать, кажется, первыми женскими фельдшерскими курсами въ Россіи.

пахъ. Женщины, ожидавшія открытія медицинскаго факультета, ухватились за эти занятія съ особаго рода энергіей, въ которой чувствовалось нѣчто страстное, горячее. Цѣлые дни съ ранняго утра до поздняго вечера просиживали онѣ въ анатомическомъ театрѣ за работой надъ трупами, не чувствуя ни усталости, ни голода...

Чтобы такъ упорно добиваться своего, какъ добивались первыя русскія студентки, для этого, дѣйствительно, нужно было сильно, горячо, страстно любить науку, какъ науку. Піонерки были дѣти 60-хъ годовъ, вступавшія въ жизнь съ идеальнымъ взглядомъ, если не на самую жизнь, то на науку. Онѣ видѣли въ ней спасеніе отъ всѣхъ золъ, наводнившихъ жизнь, видѣли въ ней исходъ—цѣль. Слѣдующія поколѣнія, которыхъ экономическія невзгоды захватили сильнѣй, уже не въ силахъ были сохранить прежній идеальный взглядъ: для нихъ наука, какъ наука, an sich und für sich, потеряла смыслъ и сдѣлалась исключительно средствомъ...

Еще долго бы пришлось женщинамъ ждать открытія медицинскаго факультета, если бы не вздумалъ взять на себя иниціативу и дальнѣйшую заботу объ этомъ дѣлѣ главный инспекторъ военно-медицинскаго департамента, онъ же и президентъ медико-хирургической академіи, докторъ Николай Иларіоновичъ Козловъ. Ему оказалъ поддержку въ этомъ дѣлѣ военный министръ, графъ Д. А. Милютинъ, который сочувственно относился къ расширенію какъ женскаго, такъ и мужского образованія въ Россіи, и всегда принималъ въ этомъ дѣлѣ живое участіе.

Въ 1870 году, Н. И. Козловъ внесъ въ медицинскій совѣтъ докладную записку: «Объ образованіи женщинъ по врачебной части». Въ «Запискѣ» онъ настоятельно требовалъ расширенія медицинскихъ акушерскихъ знаній для женщины; въ противномъ же случаѣ настаивалъ на необходимости «передать акушерскую дѣятельность исключительно врачамъ, сдѣлавъ для каждаго изъ нихъ обязательнымъ полное изученіе практическаго акушерства». При запискѣ былъ приложенъ проектъ трехгодичныхъ акушерскихъ женскихъ курсовъ.

Медицинскій совѣтъ согласился съ заключеніемъ д-ра Козлова, разсмотрѣлъ представленный имъ проектъ и пришелъ къ рѣшенію о необходимости расширить проектируемые имъ трехгодичные курсы въ четырехгодичные, а слушательницамъ этихъ курсовъ, выдержавшимъ установленный экзаменъ, дать право «свободно практиковать по женскимъ, дѣтскимъ и сифилитическимъ болѣзнямъ».

Много труда и хлопотъ было съ этимъ дѣломъ президенту академіи. Только благодаря его настойчивости и энергіи, удалось добиться высочайшаго приказа, отъ 5-го мая 1872 года, объ открытіи «Курсовъ ученыхъ акушерокъ».

Такому рѣшительному шагу со стороны правительства много содѣйствовало пожертвованіе г-жи Л. Родственной: оно дало дѣлу рѣшительный и быстрый оборотъ, а медико-хирургическая академія, какъ самая богатая медицинская школа въ Европѣ, представляла всѣ удобства для открытія такихъ курсовъ; она давала безвозмездно свои лабораторіи, свои кабинеты, — но тѣмъ не менѣе надо было найти необходимыя средства для оплаты профессорамъ и для покрытія главныхъ расходовъ. Такую поддержку оказала г-жа Родственная: она пожертвовала 50,000 р. с. въ пользу медицинскихъ женскихъ курсовъ съ правомъ пользоваться съ нихъ процентами, — и этимъ дала возможность открыть курсы, которые, кромѣ указанныхъ процентовъ, должны были поддерживаться взносами слушательницъ.

Опираясь на вышеприведенное рѣшеніе медицинскаго совѣта, Н. И. Козловъ выработалъ правила для курсовъ ученыхъ акушерокъ. 8-го іюля 1872 года, военный министръ, графъ Милютинъ, утвердилъ ихъ, въ видѣ опыта, на 4 года.

II.

Н. И. Козловъ еще только полагалъ основаніе дѣлу, заявивъ только въ 1870-мъ году въ «Русскомъ Инвалидѣ» о своемъ проектѣ, представленномъ на разсмотрѣніе медицинскаго совѣта, а уже какіе-то отдаленные слухи о допущеніи въ академію женщинъ ходили въ Петербургѣ, достигали до Москвы, проникали и дальше въ глубь Россіи. Разумѣется, эти слухи — какъ оказалось послѣ — были очень далеки отъ настоящаго положенія дѣлъ. Вотъ что́ писалось тогда изъ Петербурга въ Москву, въ томъ же 1870 году:

«Пока я соберусь узнать подробности насчетъ поступленія въ Сорбонну, пока получится отвѣтъ изъ Цюриха, пока все это будетъ — я хочу порадовать васъ пріятной надеждой. Говорятъ, что медицинская академія даетъ для женскихъ лекцій свои аудиторіи, и что *если дѣло съ этими лекціями пойдетъ хорошо*, если слушательницы выкажутъ дѣйствительное желаніе серьёзно учиться, то она, т.-е. медицинская академія, *допуститъ жен-*

щинъ до слушанія своихъ лекцій по части медицины. Сочувствіе къ женскому дѣлу вообще, говорятъ, очень велико».

Въ мартѣ 1872 года, вдругъ снова разнесся слухъ, что отнынѣ открытъ женщинамъ доступъ въ медико-хирургическую академію, а средства на устройство спеціально медицинскихъ курсовъ для женщинъ дала г-жа Родственная. Слухъ этотъ быстро облетѣлъ всѣхъ, кто ждалъ его давно.

Чѣмъ вѣроятнѣе становились слухи, тѣмъ назойливѣе возставалъ вопросъ о программѣ вступительныхъ экзаменовъ. Боязнь, что имѣющіяся на лицо знанія не будутъ соотвѣтствовать требованіямъ, часто доходила до такой тревоги, что начинались разузнаванья чрезъ обращеніе къ профессорамъ академіи. Покойный профессоръ Рудневъ на одинъ изъ подобныхъ вопросовъ отвѣчалъ слѣдующей запиской отъ 3-го апрѣля 1872 года:

«Проектъ далеко еще не утвержденъ, слѣдовательно о подачѣ прошеній рано заботиться. *Для поступленія предполагается въ проектѣ требовать знанія гимназическаго курса.* Едвали къ сентябрю будетъ это окончено. Объемъ курсовъ предполагается полный академическій».

Но какъ извѣстно—ровно черезъ мѣсяцъ получился высочайшій приказъ объ открытіи курсовъ, а въ концѣ іюля въ газетахъ появилось «Временное Положеніе».

Въ «Положеніи» сообщалось слишкомъ неопредѣленно и сбивчиво насчетъ объема вступительныхъ экзаменовъ. Въ параграфѣ 10-мъ говорилось: «желающія слушать женскій курсъ, подвергаются передъ пріемомъ особому провѣрочному экзамену изъ предметовъ полнаго курса женскихъ гимназій, *примѣнительно* къ правиламъ, установленнымъ для пріема въ студенты медико-хирургической академіи». Сдѣланная прибавка: «*примѣнительно* къ студентамъ»... окончательно спутывала и безъ того сбивчивыя предположенія насчетъ безпокоившаго вопроса. Всѣмъ почему-то казалось, что слово «примѣнительно» сводитъ требованіе къ курсу мужскихъ гимназій. И потому, несмотря на лѣто, несмотря на сильныя жары, бывшія въ тотъ годъ,—по всѣмъ угламъ женскаго царства начались усиленныя занятія, а рядомъ съ ними и усиленныя развѣдыванія, разузнаванья.

Слухи, одинъ другого неблагопріятнѣе, доносились до ушей, потому каждая старалась заполучить свѣдѣнія изъ болѣе достовѣрнаго источника.

«Въ академіи ничего нельзя добиться, писала изъ Петербурга въ Москву одна изъ желавшихъ поступить на курсы (теперь женщина-врачъ). Инспектрисы еще нѣтъ, и никто ни-

чего не знаетъ, а готовящіяся готовятся наобумъ. Даже неизвѣстно, кто будетъ экзаменовать; предполагаютъ, что учителя. Вообще мои знакомыя готовятся довольно поверхностно, а между тѣмъ я слышала отъ частнаго лица, что «тамъ» желаютъ провалить женщинъ и этимъ доказать несостоятельность ихъ стремленій и основательность противной стороны. Просьбъ (теперь уже!) подано около 400, а ваканцій всего 70!..»

Довѣряясь всѣмъ этимъ многорѣчивымъ слухамъ, женщины спѣшили подавать прошенія. Мысль, что число поступающихъ будетъ ограничено, смущала всѣхъ. Каждая думала—не будетъ ли имѣть значеніе то обстоятельство,—кто раньше подастъ прошеніе, и потому каждая спѣшила подать раньше *другой*.

А между тѣмъ и частные, и газетные слухи приносили извѣстія, что число поданныхъ прошеній доходитъ до 500, что экзаменъ долженъ будетъ превратиться въ конкурсъ. Потому весьма понятно, что женщины, волнуемыя такими слухами, приходили къ г. Чистовичу съ вопросами, выражавшими полное безпокойство.

Г. Чистовичъ каждый разъ старался разсѣять ложныя слухи, успокоить взволнованныхъ.

«Я бесѣдовала сегодня съ одной барышней (писала, 14 октября 1872 года, одна изъ пріѣхавшихъ въ Петербургъ держать экзаменъ), которая—подобно намъ—сидѣла надъ алгеброй и геометріей, только была умнѣй и готовилась по петербургской программѣ [1]) (до квадратныхъ уравненій, кажется)—и тоже воображала, что подано 500 прошеній. Представьте! ей сказалъ Чистовичъ, что прошеній подано только 80, и прибавилъ при этомъ: «Не безпокойтесь—всѣмъ будетъ мѣсто!» Тутъ же подробно объяснилъ, что будутъ требовать на экзаменѣ».

«Всѣмъ будетъ мѣсто» чрезвычайно успокоительно подѣйствовало на взволнованную публику, которая съ утра до вечера толпилась у зданія академіи и главнымъ образомъ у подъѣзда г. Чистовича. Но высказанныя послѣднимъ незначительныя требованія отъ вступительныхъ экзаменовъ весьма опечалили вступающихъ студентокъ. «Я, какъ и другія, *недовольна*—продолжала та же студентка—что дѣйствительность не соотвѣтствуетъ ожиданіямъ, т.-е. что *экзамены будутъ легки*. Благодаря этому, можетъ набраться въ академію такая же *публика*, какая была въ нашей московской академіи на 3-ей Мѣщанской» [2]).

---

[1]) Программа гимназій петербургскаго округа считалась легче программы—московскаго.

[2]) Т.-е. на первыхъ фельдшерскихъ женскихъ курсахъ.

Приведенныя слова не есть только личное мнѣніе этой одной студентки. Она сама говоритъ: «Я, *какъ и другія*,—недовольна...» Недовольны оказались всѣ, кто хотѣлъ добиться серьёзныхъ медицинскихъ знаній, всѣ, кто желалъ, чтобы «открывающіеся курсы на 4 года въ видѣ опыта» были превращены въ постоянные. Студентки хорошо понимали, какъ не усыпно-зорко и притомъ съ затаенной враждой будетъ слѣдить за ихъ успѣхами, за каждымъ имъ движеніемъ большая часть русскаго общества. Потому онѣ готовы были подвергнуть себя самымъ строгимъ, самымъ труднымъ экзаменамъ, лишь бы не допустить на первое время что-нибудь легкое, несерьёзное въ свою среду, и этимъ самымъ на первыхъ же порахъ не сгубить то дѣло, которому онѣ придавали важное значеніе, какъ въ личномъ, такъ и въ общественномъ смыслѣ.

Но начальство медицинской академіи рѣшило гарантировать дальнѣйшій успѣхъ дѣла врачебныхъ курсовъ не строгостью пріемныхъ экзаменовъ, а серьёзной оцѣнкой общаго развитія первыхъ студентокъ, тѣмъ болѣе, что экзамены производились профессорами академіи. Послѣдніе, разумѣется, не могли придавать того важнаго значенія долбленію текста школьныхъ учебниковъ, какое часто придаютъ учителя. Потому требованія на вступительныхъ экзаменахъ въ первый годъ, ни въ какомъ случаѣ, не могутъ идти въ сравненіе со строгостью требованій въ послѣдующіе года, когда на курсахъ экзаменаторами явились учителя.

Въ первый годъ экзаменовали профессора: Рудневъ, Кондратьевъ—изъ физики и математики; Тарновскій—изъ русской литературы, и Карпинскій—изъ географіи и исторіи. Экзамены продолжались три дня: 17-го, 18-го и 19-го октября.

Въ первый день писали сочиненіе по желанію—изъ географіи, исторіи, физики или русской литературы.

Для желающихъ писать по литературѣ была дана тэма: «Бѣлинскій»; изъ исторіи: «Татарское иго и его вліяніе на Русь».

Тэма: «Бѣлинскій» для многихъ казалась неудобной. Въ то время этотъ писатель былъ гонимъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній, сочиненія его считались чуть не запретнымъ плодомъ. Потому писать на такую *сомнительную* тэму студенткамъ казалось страшно: онѣ не знали, какъ посмотритъ начальство на ихъ симпатію къ русскому критику. Извѣстно, что на экзаменахъ нерѣдко, вмѣсто литературныхъ достоинствъ сочиненія, за мѣрило оцѣнки принимаютъ степень благонадежности и неблагонадежности взгляда экзаменующагося. Не рѣдко его участь

рѣшается плачевно только въ силу того, что высказанный имъ взглядъ не совпадаетъ со взглядомъ экзаменатора. Потому многія изъ экзаменующихся отказались писать о Бѣлинскомъ и охотно согласились на другую тэму: «О развитіи грамотности на Руси».

На второй день экзаменовали изъ математики и физики. Экзаменъ изъ исторіи, географіи и русской литературы считался уже поконченнымъ, хотя писавшей на историческую тэму ни слова не приходилось сказать изъ литературы или географіи, а той, которая предпочла сочиненіе по физикѣ, совсѣмъ не пришлось подвергать контролю свои знанія изо всѣхъ трехъ названныхъ предметовъ. Экзаменъ изъ математики, котораго такъ страшно боялись всѣ, и къ которому многія изъ нихъ готовились годъ — два, свелся на экзаменъ изъ ариѳметики. Отъ экзаменующейся требовался письменный отвѣтъ на вопросы въ родѣ: «умноженіе десятичныхъ дробей», «пропорціи»... Болѣе трудныхъ вопросовъ не задавали. Напримѣръ, никого не спрашивали о «непрерывныхъ дробяхъ». Изъ физики экзаменовали также легко. Вопросы задавали самые легкіе. Однимъ изъ излюбленныхъ оказался—«общія свойства тѣлъ».

«Когда я кончила отвѣчать изъ физики,—писала только-что отъэкзаменовавшаяся студентка—профессоръ сказалъ: «Съ васъ довольно!»

— А изъ геометріи?—спросила я.

— Зачѣмъ же?!—удивленно сказалъ профессоръ. Вѣдь вы хорошо отвѣчали?

— Еще бы! общія-то свойства тѣлъ!»

И студентка осталась недовольна, что ее спросили только «общія свойства тѣлъ», что не гоняли ее по всей физикѣ, что ни слова не спросили изъ геометріи, надъ которой она такъ много трудилась!

«Больше ничего не будутъ спрашивать,—продолжаетъ она съ грустью,—только завтра, 19-го (третій день) назначенъ экзаменъ изъ языковъ, причемъ будетъ предложено выбирать одинъ изъ трехъ: французскій, нѣмецкій или латинскій... Экзаменъ изъ французскаго ограничится переводомъ изъ хрестоматіи Марго... Словомъ сказать, я пришла къ тому убѣжденію, что экзамены служатъ не для провѣрки нашихъ знаній, а только, чтобы посмотрѣть—насколько мы развиты...»

Изъ латинскаго вызвались экзаменоваться немногія; всего больше нашлось охотниковъ на французскій языкъ. Экзаменовали также снисходительно: ограничивались переводомъ на русскій языкъ какихъ-нибудь двухъ-трехъ строчекъ.

Но успѣшный исходъ экзаменовъ не удовлетворилъ студентокъ. Онѣ не того ждали. Въ ихъ глазахъ, какъ начинающихъ, только то и представляло надлежащую цѣну, что доставалось не легко, съ трудомъ, съ боя. А тутъ экзамены оказались такъ ничтожны, такъ легки, что получавшіяся похвалы казались незаслуженными и скорѣй обижали, чѣмъ удовлетворяли самолюбіе. Переступая черезъ порогъ академіи, онѣ теперь боялись, что и уровень будущихъ медицинскихъ курсовъ, подобно вступительному экзамену, будетъ стоять ниже ожидаемаго. Эта мысль сильно печалила ихъ.

А профессора, между тѣмъ, относились къ вступающимъ все снисходительнѣй и снисходительнѣй: для тѣхъ, которыя по болѣзни или другимъ уважительнымъ причинамъ не могли явиться къ 17-му октября, экзамены охотно были отложены до 27-го того же мѣсяца. Производились они, разумѣется, такъ же легко, какъ и для явившихся во-время, съ тою только разницей, что вмѣсто трехъ дней экзаменовали въ одинъ день изо всѣхъ предметовъ.

27 октября окончились всѣ пріемные экзамены. Принятыхъ въ число студентокъ оказалось *86 лицъ* [1]). Слѣдовательно, начальство академіи нашло необходимымъ въ первый же годъ нарушить 8-й параграфъ «Временнаго положенія», по которому допускалось на курсъ ежегодно не свыше *70-ти* слушательницъ. Такое отступленіе для экзаменовавшихся въ годъ открытія курсовъ было дѣйствительно необходимостью. Извѣстно, что многія изъ поступившихъ въ первый годъ давно жили только ожиданіемъ этого момента, жили, закрывъ глаза на все окружающее, на жизнь, ея обыденныя и необыденныя радости. Академическое начальство поняло это хорошо и во избѣжаніе возможныхъ «трагедій» позволило себѣ отступить отъ точныхъ цифръ «Временнаго положенія». Поэтому же и въ слѣдующіе годы число принимаемыхъ уже не ограничивалось *70:*

во второй годъ . . .	(1873)	принято	89	слушательницъ
» третій	(1874)	»	88	»
» четвертый . . .	(1875)	»	93	»
» пятый	(1876)	»	130	и т. д.

Но какъ ни легки были вступительные экзамены, однако, не всѣ *130 человѣкъ*, подавшихъ прошеніе, были приняты въ этотъ

[1]) „Мед. Вѣстн.“ 1873 г. № 39. Въ статьѣ же г. Герценштейна говорится, что въ годъ открытія курсовъ поступило 89 человѣкъ. Должно быть, авторъ включаетъ сюда и тѣхъ, которыя поступили прямо на 2-й курсъ и присоединились такимъ образомъ къ начинавшимъ.

годъ. Снисходительность профессоровъ тоже имѣла свои предѣлы. Изъ 130 оказались неудовлетворившими ихъ требованіямъ 44 слушательницы.

Правда, весьма уже плохія знанія и плохое развитіе должны были имѣть неудовлетворившія на вступительномъ экзаменѣ этого года, когда всѣ профессора и само академическое начальство были болѣе расположены принять съ пробѣлами знаній, чѣмъ «проваливать» развитую, умную дѣвушку. И дѣйствительно, провалившіяся буквально не умѣли сдѣлать простого умноженія. Когда имъ объявили, что онѣ не приняты—онѣ заплакали.

— Я все очень хорошо знаю,—говорила одна изъ нихъ, подходя къ профессору:—меня готовили учителя... Они говорили, что я непремѣнно выдержу... «Но эта рыдавшая,—прибавляетъ студентка въ своемъ письмѣ,—которую готовили учителя и которая, по ея собственнымъ завѣреніямъ, все очень хорошо знаетъ, не умѣла сдѣлать умноженія: бѣдняжка, множила на нуль!.. Другая изъ этой же несчастной группы просто упрашивала профессоровъ, чтобы ее приняли. Говорила, что ей уже 26 лѣтъ, что оставлять до будущаго года долго... Рыданія и просьбы не помогли. Профессора оставались непреклонны; ихъ не трогали ни 26-лѣтній возрастъ, ни завѣренія готовившихъ барышню учителей».

Въ слѣдующіе годы уровень требованій отъ вступающихъ былъ много повышенъ. Ихъ спрашивали несравненно больше, притомъ и самый экзаменъ получилъ болѣе оффиціальный, болѣе строгій характеръ. Поступавшія же въ слѣдующіе годы были много моложе первыхъ, среди которыхъ не было ни одной младше 20 лѣтъ. Самое большее число было 22-лѣтнихъ, а были и 30-лѣтнія. Въ послѣдующіе же годы самое бо́льшее число приходилось на 20-лѣтнихъ, не малое число—19-лѣтнихъ, а въ 1877 году въ числѣ поступившихъ было даже *тринадцать 18-лѣтнихъ и одна 17-ти-лѣтняя.*

Что касается до происхожденія нашихъ первыхъ студентокъ то самый большій контингентъ этихъ новыхъ труженицъ на поприщѣ медицины дали дочери чиновниковъ (30 ч.), а наименьшій —крестьянки (1) и дочери солдатъ (1 ч.). Въ статистическихъ таблицахъ г. Герценштейна [1]) замѣчается любопытное явленіе: дочерей мѣщанъ среди поступившихъ въ первый годъ оказалось больше (6 ч.), чѣмъ дворянокъ (4 ч.), несмотря на неизбѣжныя затрудненія и препятствія, которыя должны были лежать на

---

[1]) Газета „Врачъ“ 1880 г. №№ 34 и 35.

пути въ академію для дочерей мѣщанъ. Число студентокъ іудейскаго вѣроисповѣданія превышало число лютеранокъ и католичекъ въ отдѣльности. Изъ тѣхъ же статистическихъ таблицъ замѣчается, что число студентокъ-евреекъ съ каждымъ годомъ увеличивалось на врачебныхъ курсахъ. Это явленіе имѣетъ за собой вполнѣ понятное объясненіе: женскіе врачебные курсы представляютъ въ настоящее время единственную открытую дорогу для евреекъ. Нашъ законъ не запрещаетъ имъ медицинской практики, какъ запрещаетъ педагогическую, до сихъ поръ бывшую почти единственной для образованной трудящейся женщины.

Для большинства студентокъ мѣстомъ родины и воспитанія былъ Петербургъ. Провинціалокъ былъ сравнительно меньшій процентъ, а москвичекъ—самый ничтожный. Послѣднее можетъ найти себѣ объясненіе въ томъ же исключительно счастливомъ положеніи, въ какомъ находился вопросъ женскаго образованія въ Москвѣ. Тамъ существовали уже довольно хорошо организованные лубянскіе курсы, съ естественнымъ и математическимъ отдѣленіями; кромѣ этого, одновременно съ врачебными курсами, чуть не въ одинъ день—2-го ноября 1872 года въ Москвѣ открылись курсы профессора Герье, привлекшіе къ себѣ большинство москвичекъ. За то въ число первыхъ студентокъ врачебныхъ курсовъ попали уроженки самыхъ отдаленныхъ отъ столицъ провинцій. Такъ, одна слушательница—изъ Кишинева, три изъ Вятки, одна изъ Екатеринбурга, изъ Войска Донскаго и даже изъ Томска!..

Что касается до первоначальной подготовки нашихъ первыхъ студентокъ, то большинство изъ нихъ имѣли дипломъ домашнихъ учительницъ, меньшинство было—институтокъ. Были и съ дипломомъ гимназіи и другихъ училищъ. Въ ожиданіи открытія врачебныхъ курсовъ многія изъ нихъ усердно занимались изученіемъ акушерства и даже успѣли окончить курсъ и получить дипломъ бабки. Другія занимались на открывшихся курсахъ или изучали анатомію у проф. Грубера, гистологію у проф. Голубева. Судя по имѣющемуся подъ-руками печатному списку студентокъ, среди поступившихъ было 13 акушерокъ и 8 слушательницъ разныхъ курсовъ.

III.

Перваго ноября 1872 года двери медико-хирургической академіи наконецъ открылись для женщинъ. Теперь онѣ могли входить туда черезъ парадное крыльцо, могли не пробираться уже

тайкомъ по задворкамъ, какъ это приходилось дѣлать—ихъ болѣе раннимъ предшественницамъ.

Первое ноября 1872 года—день открытія женскихъ врачебныхъ курсовъ, извѣстныхъ тогда еще подъ скромнымъ названіемъ *«курсовъ ученыхъ акушерокъ»* — знаменательный день въ исторіи женскаго образованія въ Россіи. Съ него начинается заря нравственной и экономической свободы для русской женщины; для нея *первое ноября* то же, что *двѣнадцатое января 1755 года* для всей образованной Россіи. Да не забудетъ она этого дня и установитъ впослѣдствіи въ честь его праздникъ!..

Женскіе врачебные курсы—это безсмертный памятникъ, воздвигнутый *царствованію императора Александра II-го—Николаемъ Иларіоновичемъ Козловымъ, графомъ Милютинымъ и госпожею Родственной!* Н. И. Козловъ первый задумалъ воздвигнуть этотъ памятникъ, графъ Милютинъ поддержалъ иниціатора, а г-жа Родственная соорудила пьедесталъ, безъ котораго постановка памятника была бы невозможна. Эти три имени женскіе врачебные курсы должны будутъ вырѣзать на стѣнѣ своего актоваго зала, когда послѣ всѣхъ злокрушеній они пріобрѣтутъ наконецъ свое собственное помѣщеніе...

Мы вѣримъ, мы убѣждены, что среди общества отыщется еще другая г-жа Родственная, которая поддержитъ курсы въ настоящую трудную минуту и дастъ возможность построить еще болѣе прочное основаніе къ памятнику. Тогда вода не подточитъ его, и буря, вдругъ налетѣвшая, не снесетъ. А пока въ ожиданіи такого жертвователя, пусть каждый удѣлитъ, что можетъ отъ своихъ средствъ и заработка и не допуститъ уничтожить учрежденія, которое избавило русскихъ женщинъ отъ скитанья по заграничнымъ университетамъ и заслужило въ десятилѣтній промежутокъ самую хорошую репутацію не только въ глазахъ общества, но и самого покойнаго государя.

Курсы должны были открыться молебствіемъ въ академической церкви.

Когда собрались слушательницы, почетная инспектриса курсовъ, Марья Григорьевна Ермолова, размѣстила ихъ въ ряды, какъ это обычно дѣлаютъ институтскія классныя дамы. Сама инспектриса помѣстилась въ сторонкѣ вмѣстѣ съ госпожей Родственной.

Съ перваго же шага въ академіи взрослыхъ дѣвушекъ приравнивали къ дѣтямъ. Это не могло не показаться оскорбительнымъ, тѣмъ болѣе, что между поступившими были матери семействъ, были независимыя, давно вышедшія изъ положе-

нія ученицъ [1]). «Представлять изъ себя институтокъ—намъ даже не по лѣтамъ!—писала 2-го ноября студентка:—потому я вмѣстѣ съ X. помѣстилась въ сторонкѣ, *готовая, впрочемъ, въ случаѣ замѣчанія покориться неизбѣжной участи*».

Эта приписка весьма характерна для студентокъ перваго выпуска: ихъ задача—упрочить существованіе курсовъ, обратить изъ временныхъ въ постоянные и добиться для себя и для слѣдующихъ поколѣній степени врача. Какъ бы имъ ни было тяжело, но во имя этой цѣли, онѣ готовы претерпѣть даже больше чѣмъ странное положеніе институтокъ...

На открытіи курсовъ были произнесены двѣ рѣчи: академическимъ священникомъ и виновникомъ открытія курсовъ, Н. И. Козловымъ. Первый своимъ пастырскимъ словомъ ободрялъ женщинъ на новую дорогу, новый избранный ими путь; а президентъ академіи наставлялъ слушательницъ, чтобы онѣ, принимаясь за изученіе медицины, оставили въ сторонѣ всякіе другіе интересы. «Аудиторія,—говорилъ президентъ,—не есть мѣсто для демонстрацій, тутъ должно раздаваться только благотворно дѣйствующее слово науки».

Послѣдняя рѣчь была произнесена уже въ аудиторіи. Тутъ же прочли росписаніе предметовъ на первый академическій годъ и объявили имена будущихъ профессоровъ:

Голубевъ—гистологіи,
Ландцертъ—анатоміи,
Мерклинъ—ботаники,
Бобелевъ—физики и
Бородинъ—химіи.

Лекціи должны были начаться на другой день открытія, т.-е. 2-го ноября. Перваго же ноября слушательницамъ какъ бы давалось время оглядѣться кругомъ, присмотрѣться, перезнакомиться между собой... Но знакомства не произошло: всѣ и каждая сторонились другъ друга, и если происходилъ послѣ открытія обмѣнъ привѣтствій, рукопожатій, то только между старыми знакомыми, нѣкогда учившимися въ одномъ заведеніи—однокашницами. Что-то непріятно щепетильное чувствовалось еще въ отношеніяхъ собравшейся учиться женской молодежи—и чего уже, слава Богу, теперь нѣтъ среди современныхъ намъ студентокъ.

2-го ноября, въ привилегированную аудиторію студентокъ вошелъ профессоръ Голубевъ—то была первая лекція на жен-

---

[1]) Въ 1872 г. поступило 14 замужнихъ, 3 вдовы и 69 дѣвицъ, не моложе 20-ти лѣтъ.

скихъ врачебныхъ курсахъ. Профессоръ читалъ безъ тетрадки, живо, интересно, показывалъ микроскопъ, училъ обращаться съ нимъ. Студентки остались довольны лекціей. Этотъ профессоръ — надо замѣтить—съ перваго же времени сталъ пользоваться среди нихъ особой, исключительной любовью, какой не пользовался на 1-мъ курсѣ ни одинъ изъ профессоровъ академіи. О немъ сыпались со стороны студентокъ самые восторженные отзывы. А 20-го ноября слушательницы пришли отъ его лекціи въ такой восторгъ, что рѣшили непремѣнно выразить ему благодарность...

Но въ правилахъ, выданныхъ студенткамъ при билетѣ на жительство, запрещались на лекціяхъ всякія выраженія одобренія и порицанія,—и потому, *изъ боязни повредить курсамъ*, слушательницы обратились къ М. Г. Ермоловой съ просьбой—передать ихъ благодарность профессору Голубеву... Такая осторожность даже въ глазахъ инспектрисы, казалось, превосходила всякія ожиданія покорности и благопристойности; даже сама г-жа Ермолова удивилась «безпримѣрной примѣрности» студенгокъ и замѣтила съ улыбкой: «Такія вещи—я полагаю—можно и лично заявлять профессору».

Не только къ лекціямъ, а и къ экзаменамъ этого профессора у студентокъ было исключительное отношеніе. Хотя г. Голубевъ заранѣе объявилъ, что «проваливать» на экзаменѣ никого не будетъ, тѣмъ не менѣе, несмотря на такое предупрежденіе, студентки сильно трусили его экзамена, сильнѣй дорожили его отмѣткой, чѣмъ отмѣтками другихъ профессоровъ.

«Экзамена изъ гистологіи я ждала, какъ Богъ знаетъ чего,— писала только что отъэкзаменовавшаяся студентка:—мнѣ хотѣлось, чтобы Голубевъ восчувствовалъ, какъ мы знаемъ его предметъ и какую любовь онъ съумѣлъ внушить намъ къ гистологіи, а онъ!.. Его порадовали отвѣты только заблудшихъ овецъ, которыя вернулись въ его стадо, а на наше знаніе онъ посмотрѣлъ какъ на должное»...

Профессоръ Голубевъ дѣйствительно не только не поддерживалъ въ слушательницахъ развитія себялюбія, а напротивъ, стыдилъ ихъ при малѣйшемъ проявленіи этой печальной стороны человѣческаго характера, на которой почти всѣ педагоги обычно строятъ свое зданіе. Разъ, когда студентки послѣ экзамена пристали къ нему, чтобы онъ прочелъ выставленныя отмѣтки, онъ «какъ ужаленный, схватилъ листъ, прижалъ къ груди и рѣшительно отказался исполнить просьбу».—«Здѣсь никому нѣтъ: не удовлетворительно; а дальше—я полагаю—вамъ все равно. И неужели васъ такъ интересуютъ отмѣтки? Я не ожидалъ, чтобы

вы могли интересоваться,—кому поставлено *весьма*, кому просто *удовлетворительно*»...

Но вернемся къ первой лекціи.

Благопріятное впечатлѣніе отъ нея умалялось, однако, той обстановкой, тѣмъ школьнымъ духомъ, какой былъ внесенъ въ аудиторію постояннымъ присутствіемъ надзирающаго лица. «Одно мнѣ не нравится,—писала студентка тотчасъ по возвращеніи съ первой лекціи,—это положеніе школьницъ, въ которое насъ ставятъ. Напримѣръ: сегодня присутствовала инспектриса и... *шикала!* Мы шумѣли—это правда, но... тѣмъ не менѣе стало скверно, когда сзади раздалось: ш-ш-ш!..»

На другой день были назначены лекціи химіи и ботаники, но онѣ не состоялись по случаю оттепели.

Какъ извѣстно, медико-хирургическая академія помѣщается на Выборгской сторонѣ. Послѣдняя соединяется съ главной частью города Литейнымъ мостомъ, тогда еще разводнымъ. Потому такія перемѣны въ температурѣ, какъ оттепель, морозъ, всегда сопровождались разведеніемъ или наведеніемъ моста, а слѣдовательно отражались и на лекціяхъ. Какъ скоро мостъ разводили—лекціи въ академіи прекращались, такъ какъ прерывалось сообщеніе Выборгской стороны съ городомъ, гдѣ жила и живетъ большая часть профессоровъ.

Итакъ, неудобство отъ помѣщенія курсовъ на Выборгской сторонѣ студенткамъ пришлось испытать на третій же день открытія курсовъ. Такіе перерывы въ лекціяхъ происходили не только осенью и весной, а случались даже и въ серединѣ зимы.

Но къ счастію слушательницъ, которыя уже начинали скучать безъ дѣла,—ихъ первая экспромптная вакація продолжалась не долго: опять пришелъ читать профессоръ гистологіи, а за нимъ и ботаники, и физики.

Профессоръ физики съ первой же лекціи далъ почувствовать, что его курсъ будетъ читаться основательно и будетъ носить вполнѣ серьёзный характеръ. Это очень порадовало студентокъ.

Лекціи анатоміи не начинались до 11-го ноября, по случаю болѣзни профессора, который впослѣдствіи поражалъ студентокъ замѣчательной точностью своей рѣчи. «Точность въ опредѣленіяхъ и описаніяхъ доведена у него до совершенства» говорили онѣ.

Хотя курсы въ первые годы существованія и носили названіе «акушерскихъ», тѣмъ не менѣе уровень сообщавшихся знаній даже тотчасъ по открытіи былъ взятъ университетскій. Слушательницы это поняли и оцѣнили. «Работаю пока мало,—писала одна изъ

нихъ, слушавшая еще до поступленія на медицинскіе курсы на московскихъ лубянскихъ и въ «московской академіи на 3-й мѣщанской»,—все больше приглядываюсь къ обстановкѣ и къ профессорамъ. Ихъ преподаваніе очень рѣзко отличается отъ школьнаго, какъ большою спеціальностью, такъ и тѣмъ, что они говорятъ намъ послѣднее слово науки, останавливаются не только на общепринятыхъ теоріяхъ, но и на спорныхъ пунктахъ. Только жаль, что въ ихъ сообщеніяхъ происходятъ неудобныя для насъ разногласія. Вчера, напримѣръ, профессоръ физики говорилъ, что въ настоящее время признается три рода силъ: тяготѣніе, электричество и магнетизмъ. А профессоръ химіи сказалъ, что и эти двѣ послѣднія силы сводятся къ тяготѣнію. Значитъ, на экзаменѣ истина будетъ признаваться, смотря по обстоятельствамъ, какому профессору отвѣчаемъ. Не особенно удобно!»

Но профессора хотя и высоко подняли уровень преподаваемыхъ предметовъ, однако — надо думать — внутренно все-таки сильно сомнѣвались въ серьезномъ отношеніи слушательницъ къ дѣлу, а главное—въ томъ, насколько ими понимается и усвоивается читанное на лекціяхъ. Разумѣется, только такимъ скептическимъ взглядомъ и можно объяснить страшную поспѣшность со стороны нѣкоторыхъ профессоровъ—устроивать репетиціи въ первый же мѣсяцъ открытія курсовъ. Профессоръ ботаники уже передъ 20-ми числами ноября объявилъ, что намѣренъ черезъ недѣлю сдѣлать репетицію изъ пройденнаго. Репетиція изъ физики назначена была въ первыхъ числахъ января, тотчасъ послѣ святокъ, что́ для студентокъ было крайне неудобно и потому нѣкоторыя стали поговаривать, что хорошо бы-молъ избавиться отъ репетиціи физики совсѣмъ. И даже вздумали этотъ вопросъ голосовать. Но образовавшееся разногласіе не привело ни къ чему.

У профессора анатоміи репетиція вышла какъ бы экспромптомъ. Послѣ одной изъ своихъ лекцій онъ вдругъ обратился къ первой группѣ съ приглашеніемъ идти въ его кабинетъ для практическихъ занятій. И только тамъ студентки узнали, что будутъ не практическія занятія, а репетиціи. Возвращаться вспять было уже поздно: вошелъ профессоръ и сталъ вызывать.

Одновременно шли репетиціи изъ ботаники, физики, а изъ химіи были назначены на 6-й недѣлѣ великаго поста. Только одинъ пр. Голубевъ не назначалъ репетицій.

Студентки думали, что репетиціи не будутъ имѣть никакого вліянія на экзаменъ, и потому въ началѣ не очень о нихъ заботились. Но вышло не такъ: репетиціонныя отмѣтки многимъ

изъ профессоровъ служили мѣриломъ знанія студентокъ на экзаменѣ—въ чемъ пришлось убѣдиться, разумѣется, уже нѣсколько поздно.

Репетиціи на женскихъ врачебныхъ курсахъ существовали не только въ годъ открытія курсовъ, но и во всѣ послѣдующіе года. Онѣ продолжались и на IV-мъ, и на V-мъ курсахъ, продолжаются и теперь, хотя польза отъ нихъ весьма сомнительна. Студентки постоянно жаловались, что репетиціи отнимаютъ у нихъ много времени, не принося никакой пользы. Еслибы профессора на репетиціяхъ не спрашивали, а дозволяли себя спрашивать и просить разъясненія на темныя или вообще непонятныя мѣста—какъ это заведено въ нѣкоторыхъ изъ заграничныхъ университетовъ—тогда бы студенткамъ оставалось только пользоваться удобствами отъ установленныхъ репетицій. На самомъ же дѣлѣ репетиціи представляли и продолжаютъ представлять до настоящаго времени какъ бы непрерывную цѣпь экзаменовъ, которая тянется на врачебныхъ курсахъ круглый годъ и непрерывно держитъ студентокъ въ невозможно напряженномъ состояніи.

Лекцій въ первое время, до Рождества, читалось немного—по двѣ въ день, и нѣкоторые дни—по одной. За то каждая лекція продолжалась не менѣе двухъ часовъ. Раньше 10 часовъ ни одна лекція не начиналась, а иногда и съ 11-ти или съ 12-ти.

Кромѣ лекцій, у слушательницъ много времени брали практическія занятія. Усердіе и ревность къ занятіямъ у студентокъ походила—какъ сказано было раньше—на страсть. Напримѣръ, онѣ сильно горевали о томъ, что за неимѣніемъ достаточнаго числа микроскоповъ въ гистологическомъ кабинетѣ имъ приходится заниматься гистологіей не больше часа въ недѣлю. Имъ мало было лекцій на своихъ курсахъ, онѣ добивались еще попасть на Владимірскіе (существовавшіе уже тогда въ Петербургѣ и теперь преобразованные въ Бестужевскіе). Дамская коммиссія, завѣдывавшая тогда Владимірскими курсами, предложила медицинкамъ даровые билеты на слушаніе лекцій. Студентки этому очень обрадовались. Большинство стало посѣщать лекціи ботаники и химіи, которыя читались профессорами университета.

Страсть накоплять знанія и укладывать ихъ *толково* въ своей головѣ до того была присуща студенткамъ перваго выпуска, что малѣйшее расширеніе правъ въ этомъ направленіи ободряло ихъ и доставляло имъ особую радость.

«Съ академіей мы, какъ кажется,—писала студентка, отъ 28

января,—все больше и больше освоиваемся и не представляемъ уже въ ея стѣнахъ какого-то аномальнаго явленія, какъ то было въ началѣ. Въ анатомическомъ театрѣ мы теперь уже не случайныя гостьи, которыхъ впустятъ только часа на два, а затѣмъ попросятъ удалиться, если сами чести не знаемъ. Теперь же мы можемъ входить туда не только въ аудиторію, но и въ самый кабинетъ при анатоміи, можемъ тамъ работать хоть съ утра до вечера! Можемъ изучать анатомію на трупахъ! Чѣмъ мы, разумѣется, и пользуемся»...

Студентки такъ дорожили занятіями и лекціями въ первые годы, что для нихъ было событіемъ пропустить лекцію хорошаго профессора. Во избѣжаніе этого онѣ позже выѣзжали изъ Петербурга на праздники и раньше съ этою же цѣлью возвращались назадъ.

Но такъ какъ ученье въ этотъ годъ началось сравнительно очень поздно—съ ноября—то профессора изъ желанія наверстать потерянное время читали послѣ Рождества, даже и по праздникамъ. А чѣмъ ближе подходило время къ экзаменамъ, тѣмъ они становились все усерднѣе и усерднѣе. Подъ-конецъ это усердіе приходилось уже не подъ силу даже самымъ усерднымъ студенткамъ.

«Сейчасъ бѣгу въ академію,—писала довольно раздражительно одна изъ нихъ не задолго до экзаменовъ.—Наши профессора насъ совсѣмъ замучили: до Рождества иногда манкировали, а теперь, когда у насъ и безъ того мало времени, а работы Богъ знаетъ сколько, они вдругъ вздумали назначать еще лишнія лекціи. Говорятъ, что имъ нужно окончить отдѣлъ, а о томъ не думаютъ, каково намъ принимать весь этотъ матеріалъ на спѣхъ и находить всѣмъ премудростямъ приличное помѣщеніе въ своей головѣ!.. Они, должно быть, думаютъ, что у насъ не головы, а чемоданы; что у нихъ не наука, а поклажа, которую можно втискивать на всѣ лады, лишь бы умѣстилась, а тамъ не ихъ дѣло, въ какомъ видѣ доѣдетъ до мѣста назначенія»...

Профессора дѣйствительно старались наверстывать изо всѣхъ силъ. Одинъ изъ нихъ *уже въ концѣ апрѣля* вдругъ вздумалъ прибавить еще 4 лекціи въ недѣлю.

Студентки уставали, мучились и все-таки не успѣвали дѣлать всего такъ, какъ онѣ считали полезнымъ и необходимымъ. А тутъ еще эта прибавка 4 лекцій въ недѣлю! Чувствуя, что нѣтъ никакихъ силъ прибавлять что-нибудь лишнее въ свои «чемоданы», двѣ студентки рѣшили собирать голоса желающихъ просить профессора отложить лишнія лекціи до будущаго года.

Желающихъ нашлось не мало. Обратились за посредничествомъ къ г-жѣ Ермоловой. Та была непріятно удивлена совсѣмъ неожиданной просьбой: она привыкла видѣть въ студенткахъ неутомимыхъ работницъ, которыя постоянно жаждутъ пріобрѣтенія новыхъ знаній. И рѣшительно объявила, что посредницей въ такомъ дѣлѣ быть не желаетъ: она какъ бы оскорбилась за профессора. Депутатки постарались убѣдить ее, что въ ихъ просьбѣ нѣтъ ничего оскорбительнаго, что просьба эта не есть выраженіе недовольства лекціями профессора, аудиторія котораго въ продолженіе года была постоянно полна; что только неудобство найти надлежащее помѣщеніе этимъ добавочнымъ лекціямъ въ ихъ головахъ заставляетъ ихъ прибѣгнуть къ подобной просьбѣ. Долго убѣждали онѣ инспектрису... Наконецъ, она согласилась переговорить съ профессоромъ. А послѣдній согласился съ представленными ему доводами и исполнилъ желаніе студентокъ.

IV.

Шестого ноября студенткамъ выдали билеты на жительство, гдѣ онѣ именуются «слушательницами курсовъ ученыхъ акушерокъ». При билетахъ каждой выдавались печатныя правила въ родѣ слѣдующихъ: «Слушательницы обязаны доносить инспектрисѣ немедленно обо всемъ, что случается съ ними *необыкновеннаго*; должны исполнять религіозныя обязанности и представлять свидѣтельство отъ духовныхъ лицъ; на лекціяхъ должны соблюдать строгій порядокъ и не нарушать его выраженіями одобреній или порицаній. Безъ дозволенія инспектрисы отлучаться изъ города нельзя. Студентки должны носить форму и вообще въ туалетѣ своемъ соблюдать строгое приличіе».

Первое изъ приведенныхъ правилъ не могло не показаться курьезнымъ и не возбудить насмѣшливыхъ замѣчаній. И что въ самомъ дѣлѣ имѣло въ виду начальство, предписывая студенткамъ такую откровенность? должно быть, подъ «*необыкновеннымъ* разумѣлись тѣ необыкновенные, фантастическіе сны, которые должны сниться намъ на выборгской сторонѣ»—иронизировала въ письмѣ студентка. Не могло же оно разсчитывать на созданіе отеческихъ отношеній между нимъ и слушательницами?..

Но правила печатались, какъ то бываетъ почти всегда, чтобы значиться на бумагѣ, на самомъ же дѣлѣ они, разумѣется, не исполнялись, такъ же какъ и строгое объявленіе на словахъ о запрещеніи курить и ходить по корридору. Начальство объявило,

что если оно запримѣтитъ кого курящимъ въ корридорѣ или даже просто прохаживающимся, то сейчасъ же исключитъ такихъ на мѣстѣ преступленія. Но студентки курили, курили тихонько возлѣ своей привилегированной аудиторіи. Марья Григорьевна не разъ встрѣчала курящихъ, но каждый разъ дѣлала видъ, что ничего не замѣчаетъ, и только въ крайнемъ случаѣ позволяла себѣ просить не ходить по корридору съ папиросой: «А то—говоритъ—мнѣ могутъ сдѣлать замѣчаніе».

Что касается до формы, то слушательницамъ предписывалось носить коричневыя платья и черные фартуки съ нагрудниками. Теперь объ этой формѣ между студентками нѣтъ и помину; у нихъ и безъ предписаній создалась своя форма: черныя платья на лекціяхъ, цвѣтныя косоворотки сверхъ черныхъ юпокъ дома; сверху драповыя пальто и барашковыя шапочки.

Впрочемъ, и въ первые годы г-жа Ермолова требовала со студентокъ форму только въ крайнемъ случаѣ; напр., къ экзамену или къ пріѣзду какихъ-нибудь высокихъ гостей. И тогда уже у студентокъ складывалась своя форма: онѣ не любили цвѣтныхъ платьевъ и предпочитали имъ черныя.

Лекціи студенткамъ читались какъ въ привилегированной аудиторіи, нарочно для нихъ отведенной, такъ и въ студенческихъ. Потому слушательницамъ постоянно приходилось перебѣгать изъ одной аудиторіи въ другую и при этомъ неизбѣжно встрѣчаться съ студентами-медиками. Этихъ встрѣчъ начальство сильно боялось (о чемъ упоминаетъ и г. Ціонъ въ своей брошюрѣ). Оно старалось всѣми силами оберегать студентокъ отъ столкновенія со студентами.

Отъ начальства былъ отданъ швейцару приказъ—не пускать студентовъ въ корридоръ въ то время, когда приходили или уходили студентки. Нерѣдко случалось самой г-жѣ Ермоловой сражаться со студентами и проситъ ихъ удалиться изъ аудиторіи. Труднѣй было ихъ удалить, когда студентки во время рекреацій высыпали въ корридоръ: «Тогда хоть десять инспектрисъ призови—съ ними ничего не подѣлаешь,—писала студентка.—Но надо имъ отдать справедливость,—всѣ они безъ исключенія весьма деликатны, вѣжливы и услужливы; никогда ни отъ одного никакой насмѣшки, никакой дерзости».

Таковъ былъ общій отзывъ о студентахъ всѣхъ слушательницъ во все время пребыванія женскихъ врачебныхъ курсовъ на выборгской сторонѣ въ зданіи академіи, гдѣ и тѣни не было какихъ-нибудь непріятныхъ столкновеній, которыя, однако, реализируются въ пылкой фантазіи г. Ціона. «Впродолженіи всѣхъ

4 лѣтъ,—говоритъ онъ въ своей брошюрѣ,—пока курсы помѣщались въ зданіи академіи, эти опасенія были весьма близки къ дѣйствительности (?!). И если *катастрофы не произошло*, и кончилось все благополучно, то это единственно благодаря усиліямъ г. Козлова и инспектрисы г. Ермоловой» (стр. 13).

Но несмотря на то, что всѣ опасенія начальства насчетъ столкновенія со студентами были совсѣмъ неосновательны, оно всѣми силами старалось, чтобы студентки не смѣшивались со студентами. Приведемъ любопытный на эту тэму разговоръ, который велся однимъ изъ начальствующихъ лицъ со студенткой дня черезъ два послѣ открытія курсовъ.

Студентка явилась къ начальнику за полученіемъ свидѣтельства на прожитіе, причемъ прибавила, что хлопочетъ не столько о свидѣтельствѣ, сколько о томъ, чтобы можно было скорѣй записаться въ академическую библіотеку.

— То-есть въ студенческую?—переспросилъ начальникъ.

— Да.

— Ну, я бы этого не совѣтовалъ. Вы навѣрно знаете, какъ нехорошо смотритъ начальство, когда молодыя дѣвицы вмѣшиваются въ толпу студентовъ, тѣмъ болѣе, что наши студенты очень невѣжливы: *они часто сидятъ тамъ въ пальто и шляпахъ* (!). Совѣтую вамъ лучше ходить въ нашу большую библіотеку—только, разумѣется, тамъ вы не встрѣтите ни журналовъ, ни газетъ... Это, конечно, неудобство, и я понимаю, что вамъ желательно бы было иногда прочитать журналъ или газету; но все-таки не совѣтую записываться на свое имя... Вы лучше попросите какого-нибудь студента, чтобы онъ записался на себя и носилъ вамъ книги».

Такъ ревностно оберегало студентокъ начальство отъ какихъ-нибудь (правда, только воображаемыхъ) непріятныхъ столкновеній, которыя рисовались ему отъ перспективы непривычнаго хожденія студентокъ въ студенческую читальню. Но при этомъ мужское академическое начальство не приказывало, не запрещало,—оно только *совѣтовало*. Мужское начальство (здѣсь разумѣемъ и профессоровъ академіи) было со студентками *перваго выпуска* до того вѣжливо, что *никто изъ нихъ* никогда *не позволялъ себѣ говорить со студенткой сидя, если послѣдняя стояла*. Нерѣдко бывало, что начальникъ, провожая пришедшую къ нему по дѣлу студентку, выходилъ вмѣстѣ съ нею въ переднюю и все время стоялъ, ждалъ—пока она одѣнется.

Академія съ перваго же года отнеслась къ студенткамъ какъ къ равноправнымъ со студентами членамъ своей большой

академической семьи. Когда 21 января 1873 года въ медицинской академіи у студентовъ назначенъ былъ актъ, студентки черезъ г-жу Ермолову получили отъ академіи приглашеніе присутствовать на актѣ. Г-жа Ермолова по этому случаю сказала рѣчь, обращенную ко всему курсу. Это была первая оффиціальная рѣчь инспектрисы, потому не лишнимъ будетъ привести ее здѣсь.

«Начальство поручило мнѣ, милостивыя государыни, просить васъ на актъ, который будетъ имѣть мѣсто въ слѣдующее воскресенье въ зданіи академіи. Начальство просило заявить вамъ, что это приглашеніе относится къ вамъ не какъ постороннимъ, а какъ къ слушательницамъ курсовъ, принадлежащимъ къ академіи. Желающія изъ васъ воспользоваться этимъ приглашеніемъ могутъ получить билеты, съ которыми васъ пропустятъ черезъ *парадный ходъ*... Черезъ этотъ ходъ,—прибавила инспектриса,—который открывается разъ въ годъ, проходятъ только одни почетныя лица».

Желая этимъ прибавленіемъ сказать студенткамъ, что ихъ выдѣляютъ, инспектриса въ заключеніе своей рѣчи обратилась къ нимъ съ просьбой, чтобы на актъ онѣ явились въ форменныхъ платьяхъ съ передниками и только за неимѣніемъ формы—въ черныхъ: «и пожалуйста, попроще», прибавила она. Но просить студентокъ о простотѣ костюма было излишне: онѣ и такъ черезъ-чуръ ревностно оберегали себя отъ всякой пышности, отъ всякихъ украшеній.

21-го января, въ 11-ть часовъ утра, студенты, студентки и начальство академіи собрались всѣ въ академическую церковь къ обѣднѣ, а оттуда прошли въ актовый залъ.

Здѣсь изъ чтенія годичнаго отчета о дѣятельности академіи студентки услыхали отчетъ и объ устройствѣ «высшихъ акушерскихъ курсовъ». Онѣ пріятно почувствовали при этомъ чтеніи, что и онѣ не чужія для академіи, а составляютъ часть учащейся въ ней молодежи. Такъ привыкали смотрѣть на себя студентки, такъ смотрѣло на нихъ и все академическое начальство.

Непосредственное и ближайшее начальство надъ студентками было вручено почетной инспектрисѣ, Марьѣ Григорьевнѣ Ермоловой. Слѣдующіе курсы имѣли своихъ особыхъ инспектрисъ, которыя считались помощницами г-жи Ермоловой, и de facto представляли только ея слабое повтореніе, сохраняя ея нѣкоторыя недостатки и уступая ей въ достоинствахъ.

Установить свои отношенія къ студенткамъ женскому начальству было весьма нелегко, тѣмъ болѣе, что русская жизнь до открытія курсовъ представляла только двѣ формы такого началь-

ства — или начальницу института, гимназіи, или классную даму. Принять ту или другую форму, или обѣ вмѣстѣ — безразлично, значило придать курсамъ школьный характеръ. И, какъ видѣлъ читатель, этотъ школьный духъ почувствовали студентки тотчасъ какъ перешли за порогъ академіи. Ихъ сейчасъ же разставили въ ряды за церковной службой; въ первую же лекцію на нихъ шикали...

Мы видѣли, что все это сильно задѣвало студентокъ въ первое время, и онѣ зорко присматривались ко всякому шагу.

«Ермолова такъ же, какъ и мы, присутствуетъ на всѣхъ лекціяхъ, — пишетъ черезъ недѣлю по открытіи курсовъ студентка, — только съ тою разницею, что мы перебѣгаемъ изъ одного зданія въ другое, а она переѣзжаетъ это пространство въ каретѣ...»

...«Кромѣ *шиканья*, — писала другая студентка, — взяли на себя теперь обязанность слѣдить, чтобы студентки не приходили въ аудиторію съ короткими волосами, а носили бы сѣточки».

На «сѣточкахъ» Марья Григорьевна дѣйствительно весьма настаивала; но только въ тѣ дни, когда на курсахъ долженъ былъ быть кто-нибудь изъ высокихъ гостей или изъ начальства академіи. Обычно она просила студентокъ заранѣе являться въ назначенный день въ сѣткахъ. Но большинство, несмотря на свою «безпримѣрную примѣрность», забывали объ этомъ, а нѣкоторыя, можетъ, и не забывали, но въ академію являлись съ короткими волосами. Опытная Марья Григорьевна запасалась въ эти дни по дорогѣ въ академію цѣлыми дюжинами такихъ сѣтокъ и тотчасъ по пріѣздѣ на курсы облекала въ нихъ слушательницъ. Много комизма было съ этими сѣточками, въ особенности, когда г-жа Ермолова отбирала ихъ у студентокъ и прятала опять въ шкафъ на будущее «про запасъ».

Этотъ фактъ съ сѣточками въ одно и то же время прекрасно иллюстрируетъ, какъ крайне доброе отношеніе Марьи Григорьевны къ курсамъ, такъ и ея крайнее усердіе къ формальной сторонѣ, — что сильно огорчало всѣхъ студентокъ. «Ну къ чему, напримѣръ, — писала одна изъ нихъ, — она ходитъ не только на лекціи, но и на репетиціи? Профессоръ анатоміи сначала велъ переговоры непосредственно съ нами, но Марья Григорьевна не могла удержаться, чтобы и сюда не внести своего участія. Разумѣется, это говоритъ за ея энергію, за ея живое и любовное отношеніе къ курсамъ, но вѣдь для насъ-то все это имѣетъ видъ только *недовѣрія*. Мнѣ лично крайне непріятно такое недовѣріе, хотя, становясь на ея мѣсто, — можетъ, она... Неужели

и на 2-мъ курсѣ будетъ то же? неужели и тогда мы безъ начальства шага не ступимъ?».

Иногда раздраженныя ея постояннымъ присутствіемъ, студентки позволяли себѣ нѣкоторыя выходки, низводившія ихъ и въ самомъ дѣлѣ на степень школьницъ. Входитъ, напримѣръ, студентка въ аудиторію, видитъ, что всѣ мѣста заняты и злорадно обращается къ инспектрисѣ: «Потрудитесь распорядиться, чтобы принесли столы и поставили ближе къ доскѣ». Марья Григорьевна въ такихъ случаяхъ обычно вставала, улыбаясь, шла къ сторожу и дѣлала распоряженія.

Эти сцены такъ же, какъ и постоянные толки студентокъ между собою и съ посторонними о г-жѣ Ермоловой и ея обязанностяхъ, ясно свидѣтельствуютъ какъ сильно задѣвало слушательницъ это крайне неопредѣленное и сбивчивое въ своей дѣятельности и обязанностяхъ женское начальство.

Но несмотря на свое усердіе къ формализму, у г-жи Ермоловой было очень много такта и тонкаго пониманія въ обращеніи съ студентками перваго выпуска. Она понимала, какъ болѣзненно самолюбивы были онѣ и, несмотря на принятую ею роль классной дамы, старалась всѣми силами избѣгать обычныхъ у классныхъ дамъ нотацій и выговоровъ. И если иногда прибѣгала къ нимъ, то только въ крайнемъ случаѣ, когда вынуждалъ ее на это какой-нибудь изъ профессоровъ (къ счастію, такихъ на 1-мъ курсѣ былъ всего одинъ), который въ силу своего безсилія и неумѣнья прибѣгалъ къ жалобѣ на студентокъ.

Разъ дѣло было такъ. Читалъ этотъ профессоръ лекцію, а студентки скучали. Нѣкоторыя совсѣмъ перестали слушать и довольно громко разговаривали. Вмѣсто того, чтобы самому переговорить съ ними о неудобствѣ читать во время такого шума, профессоръ обратился съ жалобой къ Марьѣ Григорьевнѣ,—она на этотъ разъ по какому-то случаю отсутствовала на лекціи. И что курьёзнѣе — не ограничился жалобой на личное неудобство, счелъ еще нужнымъ сообщить инспектрисѣ, что студентки *безъ нея* слишкомъ рано забрались въ ботаническую аудиторію, прежде чѣмъ вышли оттуда студенты. Профессоръ не преминулъ добавить, что онъ засталъ *студентокъ, разговаривающими со студентами*, что́ слушательницамъ строго запрещалось.

Вынужденная такой жалобой, г-жа Ермолова 22-го января 1873 года обратилась къ курсу съ слѣдующимъ выговоромъ: «Такое поведеніе нѣкоторыхъ слушательницъ—сказала она—*можетъ дурно повліять на всѣ курсы*, чего бы я никакъ не желала. Во избѣжаніе этого, если подобный фактъ еще разъ повто-

рится—я принуждена буду донести президенту, назвавъ *этихъ госпожъ* по имени, потому что, къ счастію, ихъ у насъ мало, и онѣ всѣ на счету»...

Такъ пугала г-жа Ермолова слушательницъ, чтобы прекратить подобные безпорядки, которые не разъ встрѣчались на лекціяхъ этого профессора. Для студентокъ, разумѣется, достаточно было этой угрозы, послѣдствія которой — какъ имъ казалось — могли плохо отразиться на судьбѣ курсовъ вообще. А судьба курсовъ для нихъ была всего дороже; онѣ знали, что за нее на нихъ лежала отвѣтственность передъ будущимъ поколѣніемъ женщинъ.

Очень часто изъ-за казеннаго облика классной дамы, принятаго на себя почетной инспектрисой, случалось, выглядывалъ и человѣкъ съ добрымъ сердцемъ и душою.

...«Мы Ермолову на разные лады эксплуатируемъ — и она ничего, съ каждой обходится любезно и предупредительно. Вчера у меня не оказалось стула, такъ она сама принесла»...

Когда студенткамъ было объявлено, что пользоваться книгами профессорской библіотеки онѣ могутъ только въ томъ случаѣ, если поручится за нихъ какое-нибудь извѣстное академіи лицо, Марья Григорьевна постоянно брала на себя ручательство за студентокъ перваго выпуска. Когда какой-нибудь студенткѣ нуженъ былъ бланкъ отъ г. Козлова на полученіе дорового лекарства, Марья Григорьевна любезно брала на себя трудъ—ѣздила къ президенту — и этимъ избавляла студентокъ отъ проѣзда и лишней траты на извощика. Говорили, что съ нѣкоторыми слушательницами она «изъ любви» занималась нѣмецкимъ языкомъ, для неимущихъ собирала деньги на взносъ, для больныхъ на заграничную поѣздку. Благодаря ея трудамъ и иниціативѣ, на курсахъ было положено начало библіотекѣ и студентской кассѣ...

Г-жа Ермолова относилась къ своей обязанности, какъ идеалистъ. Она служила дѣлу курсовъ ради идеи. Ни почести, ни деньги не привлекали ее. Слѣдующій любопытный разговоръ ея съ студенткой прекрасно характеризуетъ этотъ симпатичный и идеальный взглядъ г-жи Ермоловой.

Дѣло шло о практическихъ занятіяхъ одного изъ профессоровъ II-го курса. Профессоръ хотѣлъ назначить практическія занятія въ воскресенье—единственный свободный день. Студентки выразили протестъ. Г-жа Ермолова (надо замѣтить, что со II-го курса она дала студенткамъ значительно больше самостоятельности) предоставила имъ самимъ переговорить съ профессоромъ.

— «Мнѣ и самой непріятно потерять единственный день, который я провожу въ семьѣ»,—сказала она.

— Да зачѣмъ же вамъ-то пріѣзжать?—спросила ее студентка.

— «Теперь, конечно, не для того, чтобы смотрѣть за вами: я вполнѣ довѣряю II-му курсу; но безъ меня вамъ и микроскоповъ не выдадутъ... Кромѣ того, если микроскопы попортятся — мнѣ придется отвѣчать...

— Ну, ужъ не понимаю, къ чему вы берете эти излишнія хлопоты?

— «Я взяла на себя обязанность инспектрисы на 4 года и хочу исполнить ее честно. Если бы даже отъ имени курсовъ меня вздумали будить въ два часа ночи—я вставала бы. Вы видите, я, вѣдь, пріѣзжаю рано. А между тѣмъ я не привыкла такъ вставать. Подниматься, въ такой ранній часъ — для меня было лишеніемъ. *Но мнѣ кажется, что мы всѣ—если уже разъ пошли на такое дѣло, должны идти во что бы то ни стало, хотя бы до изнеможенія, до полнѣйшаго истощенія силъ!..*

— Ну ужъ за это покорно благодарю. Я не согласна: я вовсе не ставлю себѣ цѣлью — только кончить, и тутъ же, не выходя изъ академіи, умереть [1]). Я думаю, что по окончаніи курса мнѣ еще больше потребуется силъ и здоровья, и потому надо стараться, насколько возможно, ихъ приберегать...

При такомъ идеальномъ взглядѣ на свое служеніе и нѣкоторой общности въ ближайшихъ цѣляхъ со студентками, естественно, что г-жа Ермолова, несмотря на нѣкоторые недостатки, сдѣлала много полезнаго для врачебныхъ курсовъ, которые она покинула недавно, одновременно съ г. Козловымъ и г. Ландцертомъ. Оставайся она теперь на своемъ прежнемъ постѣ, можно было бы *даже въ теперешнюю трудную минуту* быть увѣренно-спокойнымъ за судьбу врачебныхъ курсовъ.

V.

Для знакомства съ жизнью, обстановкой и матеріальными средствами нашихъ первыхъ студентокъ, остановимся на той многочисленной группѣ изъ нихъ, которая могла, въ отличіе отъ состоятельнаго меньшинства, носить названіе плебеекъ. Среди послѣднихъ не много было такихъ счастливицъ, которыя бы полу-

---

[1]) По странной ироніи судьбы, эта студентка умерла какъ разъ въ тотъ моментъ, когда одна нога ея была уже занесена за порогъ выходной двери курсовъ.

чали ежемѣсячно изъ дому рублей 25. У большинства не было ничего, кромѣ собственной головы, рукъ и ногъ — и то почти постоянно занятыхъ въ академіи.

Такихъ, которыя обладали капиталомъ въ 5—10 тысячъ, было слишкомъ немного; но тѣмъ не менѣе онѣ давали значительный вкладъ въ общій сборъ на неимущихъ слушательницъ. Какъ велико было процентное отношеніе между тѣми, другими и третьими,—рѣшить трудно, за неимѣніемъ цифровыхъ данныхъ, которыя теперь, разумѣется, уже утратились навсегда.

Стипендій или пособій ни отъ земства, ни отъ общества въ то время на женскихъ врачебныхъ курсахъ не существовало: тогда еще студенткамъ не вѣрили, къ ихъ дѣлу относились скептически. Вся надежда была на предполагавшуюся стипендію профессора Грубера. «Если и на будущій годъ у насъ не будетъ ни одной стипендіи, писала студентка, то многія изъ насъ принуждены будутъ оставить академію. Нельзя-ли пустить подписной листъ въ Москвѣ? Неужели Москва не отзовется?»

Но всѣ эти частные сборы были слишкомъ ничтожны; это были микроскопическія заплатки на большихъ прорѣхахъ,—не больше. Требовалась большая помощь, большая общественная благотворительность. Къ ней-то и должны были обратиться студентки. Тогда еще не существовало «Общества вспомоществованія», играющаго теперь роль посредницы между публикой и студентками. Благодаря иниціативѣ двухъ студентокъ, въ мартѣ 1873 года, былъ устроенъ концертъ въ пользу врачебныхъ курсовъ. На этомъ *первомъ* студенческомъ концертѣ участвовали русскіе пѣвцы, музыканты консерваторіи. Репертуаръ пѣсенъ былъ довольно оригинальный. Въ каждой пѣснѣ говорилось о женщинѣ, о женскомъ вопросѣ и даже— о женщинахъ-медикахъ. Концертъ носилъ нѣсколько семейный характеръ. Распорядителями были студенты и студентки. Сборъ съ концерта за вычетомъ расходовъ былъ отданъ на взносы за неимущихъ слушательницъ, которымъ иначе грозило исключеніе: академія никого не избавляла отъ взноса платы. Но, благодаря заботамъ г-жи Ермоловой и другихъ петербургскихъ дамъ-благотворительницъ, ни одна изъ студентокъ не была исключена.

Большинство студентокъ жили на Выборгской сторонѣ. Въ годъ открытія курсовъ, когда наплывъ слушательницъ на эту сторону былъ сравнительно небольшой, здѣсь можно было нанять комнату рублей за 8 въ мѣсяцъ, «чистенькую, довольно свѣтлую и настолько просторную, что двое могли помѣститься, не толкая другъ друга»... «Меблировка богатая—иронизируетъ одна изъ студентокъ, описывая свое новое помѣщеніе:—кровать, стулъ,

столъ; но послѣдній такъ малъ, что нѣкоторыя вещи скромно валяются на полу, не имѣя другого пристанища. По вечерамъ бѣгаютъ тараканы... Вотъ уже третья квартира съ тараканами... На дворѣ въ этомъ же домѣ есть кухмистерская: 25 копѣекъ обѣдъ, котораго я съѣдаю только половину, *оставляя другую на другой день (!). Намъ вдвоемъ будетъ такого обѣда совершенно достаточно.* Жаль, что молоко дорого: 10 копѣекъ за кружку, равняющуюся московскому кувшину, и то не больно хорошее...»

Приведенное мѣсто достаточно изображаетъ тѣ жалкія матеріальныя средства, какими располагало большинство студентокъ. Приходилось недоѣдать, недопивать, иногда съ утра до вечера просидѣть въ академіи съ пустымъ желудкомъ и, вернувшись домой, замѣнить обѣдъ чаемъ съ сыромъ или яйцами. Такъ жило большинство. И несмотря на эти печальныя условія, которыя, можно сказать, пожирали ихъ физическія силы, студентки были всегда бодры, дѣятельны, оживлены и относились къ матеріальнымъ невзгодамъ съ той веселой ироніей, которая возможна или въ лѣта юности, когда мало дается цѣны матеріальнымъ удобствамъ, или же когда духовная жизнь поглощаетъ человѣка съ такой силой, что онъ какъ бы на перекоръ законамъ физіологіи—весь день не ѣлъ и не чувствуетъ голода.

Вотъ, тотъ ироническій тонъ, съ какимъ студентки говорили постоянно, касаясь неприглядной обстановки и печальныхъ матеріальныхъ условій своей жизни:

...«Мы вернули назадъ хозяйкѣ ея прекрасную перину, а то она представляла нѣчто въ родѣ гнѣзда изъ блохъ: вечеромъ одолѣваютъ пруссаки, а ночью—скорпіоны-блохи, пожалуй, къ Рождеству обратятъ насъ въ мощи».

А какъ имъ плохо приходилось насчетъ обѣдовъ! Тогда студентки не дошли еще до мысли объ удобствахъ жизни сообща, какъ живутъ въ настоящее время ихъ преемницы: отчего современная намъ студентка въ большинствѣ случаевъ уже не чувствуетъ того душевнаго одиночества, сиротства и жизненныхъ неудобствъ, которыя приходилось выносить одинокимъ піонеркамъ, заѣхавшимъ въ Петербургъ издалека? Тогда не существовало и того благодѣтельнаго учрежденія при врачебныхъ курсахъ — дешевой кухмистерской, которая устроена въ настоящее время, благодаря кружку петербургскихъ дамъ-благотворительницъ.

Вотъ какъ стоялъ тогда кухмистерскій вопросъ:

«Изъ кухмистерской, которая находится у насъ на дворѣ,

мы уже больше не беремъ обѣдовъ — писала студентка черезъ 15 дней по открытіи курсовъ—потому что послѣднее время кормили такой дрянью, что не только у меня, а даже у моей сожительницы, способной переваривать чуть не подошвы, испортился желудокъ. Вслѣдствіе этого я хожу теперь въ кухмистерскую великой княгини Елены Павловны,—она помѣщается рядомъ съ академіей, и мы проходимъ туда прямо съ лекцій. Несмотря на громадное число студентовъ, въ кухмистерской все обстоитъ очень чинно,—да и кормятъ здѣсь сноснѣй»...

Но каждая кухмистерская обманчиво кажется сносной на одинъ-два дня, не больше. Такъ было и въ этотъ разъ.

«Въ кухмистерской Елены Павловны,—писала та же студентка черезъ нѣсколько дней,—я уже не обѣдаю: тамъ начали кормить тоже плохо... Теперь хожу къ нѣкоему Тарасу, плачу пятачкомъ дороже: онъ кормитъ недожареной говядиной»...

Упоминаемая въ этихъ письмахъ кухмистерская была нарочно открыта для студентовъ и для студентокъ. Ею завѣдывали дамы высшаго круга, что, впрочемъ, нисколько не гарантировало отъ плохой ѣды. Помнится, въ 1873 году, бывши въ Петербургѣ, пришлось вмѣстѣ со студентками зайти въ эту кухмистерскую, отчасти съ спеціальною цѣлью—лично убѣдиться, насколько на самомъ дѣлѣ плохо кормили въ этой кухмистерской.

Только-что мы отворили дверь, насъ обдало характернымъ, для самыхъ плохихъ кухмистерскихъ, запахомъ прѣлыхъ щей. Одна изъ студентокъ, рядомъ съ которой я сѣла за столъ, убѣждала меня—не спрашивать обѣда, а лучше, вмѣсто щей и жаренаго, послѣдовать ея примѣру—взять стаканъ молока.

...«Все равно, вѣдь, только деньги напрасно бросите — не будете ѣсть», продолжала она настаивать.

У бокового столика, недалеко отъ насъ, сидѣло нѣсколько студентовъ-медиковъ. Они о чемъ-то разговаривали съ большимъ жаромъ и очень усердно истребляли и щи, и жареную говядину, которую такъ корила моя собесѣдница.

— Вы просто, должно быть, привередничаете, — сказала я ей, указывая глазами на студентовъ.

— Да! Я на нихъ вотъ ужъ цѣлый мѣсяцъ смотрю,—говорила, иронически улыбаясь, студентка.—Я завидую имъ! Вѣдь, вотъ зналъ Господь, какой имъ желудокъ дать, зналъ, что имъ придется по кухмистерскимъ шляться и чуть не мужицкіе сапоги переваривать!.. Смотрите, смотрите! дергала она меня за рукавъ: вѣдь, все! все съѣлъ!—говорила она, захлебываясь отъ

смѣху. Вотъ и завтра придетъ, и опять будетъ ѣсть—все съѣстъ, что́ ни подадутъ,—съ шутливой досадой прибавила она.

Въ это время мнѣ подали до краевъ полную миску щей. Знакомый запахъ кухмистерской наполнилъ воздухъ. Моя собѣсѣдница не выдержала, съ омерзеніемъ отвернулась.

Я зачерпнула ложку—ни тѣни капусты, вмѣсто нея какія-то нитки, должно быть, бывшія жилки, бывшаго нѣкогда капустнаго листа...

— Вы, кажется, разсчитываете отыскать капусту?—сказала моя собесѣдница, въ полуоборотъ посматривая на меня и хитро улыбаясь:—болѣе ясныхъ слѣдовъ не найдете,—успокойтесь.

И дѣйствительно, ни капусты, ни того, что называютъ щами, въ поданной мискѣ не было; вмѣсто щей, была только мутная жидкость съ невозможнымъ запахомъ и вкусомъ.

Я попросила подать жареное.

Подали почти верхомъ полную тарелку. Но что это было!! Не ѣсть, а просто глядѣть было невозможно, что въ этой кухмистерской носило названіе мясного блюда!.. То была не говядина, нѣтъ, а... губка... простая, размокшая губка!

Но Богъ съ ней съ этой кухмистерской хотя, правда, не одной студенткѣ испортила она желудокъ, наградивши на всю жизнь катарромъ... Оставимъ ее! Посмотримъ лучше, какую жизнь вели студентки въ первый годъ поступленія на курсы, какъ проходилъ у нихъ день вообще.

У большинства заѣзжихъ студентокъ одинъ день мало разнился отъ другого.

«Встаю не раньше 8-ми, писала студентка, не позже 9-ти, даже и по праздникамъ. Утромъ пью кофе и къ 9-ти часамъ бываю въ академіи. Только-что кончается первая лекція, мы всѣ съ шумомъ, гамомъ бѣжимъ въ швейцарскую; каждая спѣшитъ натянуть шубенку и бѣжать въ другое зданіе, чтобы занять мѣсто на первой лавкѣ. Часа въ 3, а иногда въ 4, лекціи кончаются, и всѣ мы двигаемся въ кухмистерскую, гдѣ обѣдаемъ и пересыпаемъ изъ пустого въ порожнее. Обычной тэмой нашихъ разговоровъ служатъ лекціи, профессора и новости данной минуты. Иногда во время такихъ бесѣдъ мы увлекаемся, шумимъ, возвышаемъ голоса; но кто-нибудь поблагоразумнѣе замѣтитъ—и всѣ утихаемъ, и расходимся по домамъ. Вернувшись домой, сумерничаемъ, т.-е. ходимъ по комнатамъ и воспѣваемъ «трамъ-трамъ». Часовъ въ пять принимаемся за работу, которая большею частью состоитъ въ составленіи лекцій и въ подчитываніи къ нимъ разныхъ книжекъ. Чаепитіе совершается часовъ въ 7—8... Послѣ

маленькаго отдыха за чаемъ опять начинается та же работа. Ложимся не ранѣе 12, а иногда и въ часъ»...

Такъ однообразно и скучно тянулась въ первое время жизнь нашихъ студентокъ. Отъ этого однообразія подчасъ становилось жутко имъ самимъ и онѣ всѣми силами старались внести въ жизнь что-нибудь освѣжающее.

«Жизнь моя черезчуръ сжалась и втиснулась въ узенькую, слишкомъ опредѣленную рамку; все стоящее за ея предѣлами не доходитъ до меня. И если я знаю нѣсколько, что дѣлается на свѣтѣ, то только изъ писемъ. Здѣсь же, въ своей комнатѣ и въ стѣнахъ академіи, я верчусь исключительно въ обществѣ клѣточекъ. Выйду на улицу въ надеждѣ хоть тамъ услыхать или увидать что-нибудь иное — нѣтъ, и на улицѣ все то же, все тѣ же клѣточки. Вся Выборгская наполнена студентами-медиками. Въ кухмистерской—опять тѣ же студенты, опять тѣ же разговоры о медицинѣ, о лекціяхъ, о профессорахъ... Иногда просто одурь беретъ отъ такого положенія, а подчасъ охватываетъ какой-то для меня самой мало понятный страхъ»...

Но чтобы въ эту однообразную жизнь съ ея однообразными интересами вносить какой-нибудь отдыхъ, хотя бы въ видѣ посѣщеній театра, для этого требовались деньги, а несчастныхъ 25-ти руб. въ мѣсяцъ едва-едва хватало на насущныя нужды. Впрочемъ, не малымъ препятствіемъ являлось и то обстоятельство, что театры отъ Выборгской стороны находятся весьма далеко, а у студентокъ въ то время не было еще знакомыхъ, съ которыми онѣ могли бы предпринимать это путешествіе на собственныхъ ногахъ.

Со временемъ, конечно, завелись и знакомые студенты. Знакомство заводилось очень просто. Случалось, что у одной съемщицы занимали комнаты и студенты, и студентки. Дней черезъ пять по переселеніи на квартиру, студентъ или самъ при встрѣчѣ, или черезъ хозяйку, предлагалъ свои услуги брать билеты въ театръ и даже—если требуется—провожать туда самолично.

Если же студентъ заходилъ къ своимъ сосѣдкамъ, то для этого почти всегда измышлялся какой-нибудь дѣловой предлогъ. «Придетъ не надолго, принесетъ книжку, выкуритъ папироску и уйдетъ... Иногда, случалось, заводились пренія, хоть бы на тэму: правда ли, что—vouloir c'est pouvoir?»..

Бывало также, что студентъ заносилъ какой-нибудь новый журналъ, — и это доставляло студенткамъ большое развлеченіе, въ особенности послѣ постоянныхъ рѣчей о клѣточкахъ. Теперь, когда курсы перенесены съ Выборгской стороны въ городъ, интересы студентокъ легко могутъ разнообразиться даже и при

скудныхъ матеріальныхъ средствахъ: удобно ходить и въ публичную библіотеку, и въ эрмитажъ, возможно хоть изрѣдка сходить въ театръ, неотбивши окончательно ногъ, за 10 копѣекъ просмотрѣть новые журналы и газеты и т. д. Первыя студентки всего этого были лишены. Журналы попадали къ нимъ въ руки весьма рѣдко.

Если же впослѣдствіи онѣ рѣшались доставить себѣ экстраординарное удовольствіе — отправиться въ театръ, то обыкновенно брали ложу «складчиной», куда каждая могла пригласить своего знакомаго или знакомую, даже и не-студентку. Это тоже былъ одинъ изъ распространенныхъ способовъ знакомства, практиковавшійся и въ послѣднее время, только въ несравненно большихъ размѣрахъ. Въ такъ-называемыя «студенческія» ложи Маріинскаго театра собиралось человѣкъ по десяти и болѣе студентовъ и студентокъ.

Этотъ складчинный способъ дозволялъ, несмотря на скудныя средства, пользоваться театромъ не только во время обычныхъ представленій, но даже и слушать пріѣзжавшихъ въ Петербургъ знаменитостей. Такимъ способомъ студентки слушали Лавровскую, Патти, Нильсонъ...

Изъ всего, что здѣсь говорилось о студентахъ, видно, какъ товарищески относились они къ своимъ новымъ colleg'амъ. Такъ было не только въ началѣ при открытіи курсовъ, а постоянно вплоть до перенесенія ихъ въ Николаевскій госпиталь. Студентки всегда съ особенной любовью говорили о студентахъ, которые оказались въ полномъ смыслѣ товарищами, а не врагами, какими они выступили въ западныхъ университетахъ по отношеніи къ женщинамъ, напримѣръ, въ Парижѣ, Монпелье.

Эти отношенія студентовъ и студентокъ,—несмотря на свою простоту, исключали ту пошлую интимность, а тѣмъ паче ту грязь, о которой не переставали кричать люди, всегда и вездѣ подозрѣвающіе дурное. Имъ, этимъ людямъ, обыкновенно не подъ силу понять простыя, честныя, дружескія отношенія, которыя существовали и продолжаютъ существовать между студентами и студентками.

Сколько грязи бросалось, сколько распускалось сплетенъ и всякой другой прочей мерзости про этихъ честныхъ труженицъ! Сплетни вели свое начало изъ того общества, гдѣ совѣстились, если вдругъ въ ихъ средѣ какая-нибудь изъ молодыхъ дѣвушекъ отказывалась идти по дорогѣ вѣками проложенной пошлости и, къ величайшему ужасу всѣхъ фешенебельныхъ тетушекъ и дя-

дюшекъ, вдругъ оказывалась на студенческой скамьѣ! Оттуда, изъ парадныхъ комнатъ, сплетни сбѣгали по задней лѣстницѣ въ нижніе этажи, подвалы, обитатели которыхъ, по откровенности, не стѣсняясь условными приличіями, встрѣчаясь на улицѣ со студентками, отпускали какія-нибудь отборныя «словца». Помнится, разъ ѣхали студентки въ общественныхъ саняхъ съ Выборгской стороны къ гостиному двору. Только что сани сдѣлали нѣсколько шаговъ отъ своей стоянки, какъ толпа мастеровыхъ, шедшая навстрѣчу, остановилась посреди дороги и начала на всю улицу кричать: «Вишь, выборгскія царицы ѣдутъ! давайте дорогу! Царицы! царицы!»—продолжали они выкрикивать съ хохотомъ, поощряемые прохожими...

За первыми студентками вездѣ и всюду слѣдовало общественное недовѣріе. Случалось, что званіе «студентки» являлось для нея препятствіемъ получить уроки на лѣто, даже въ той семьѣ, гдѣ она занималась преподаваніемъ до поступленія на курсы и гдѣ считалась далеко не изъ плохихъ учительницъ.

Нерѣдко студентка встрѣчала недружелюбное отношеніе не только со стороны зараженнаго разными предразсудками общества, но и со стороны родной семьи... Переносить послѣднее было, разумѣется, еще тяжелѣе...

Многое приходилось ей выносить въ первое время, зорко приходилось слѣдить за собой, за каждымъ своимъ шагомъ. Она хорошо знала, что враждебно настроенное къ ней общество не проститъ ей ни малѣйшей оплошности, неловкости или даже какой-нибудь странности въ ея поведеніи...

VI.

Но несмотря на всю враждебность со стороны общества, студентки, поддерживаемыя въ своихъ стремленіяхъ ближайшимъ начальствомъ, профессорами, гр. Милютинымъ, а главное—благосклоннымъ отношеніемъ къ нимъ самого покойнаго государя, добились исполненія своихъ ближайшихъ цѣлей. Черезъ четыре года—въ 1876 году—курсы были превращены изъ «временныхъ» въ *постоянные,* изъ четырехгодичныхъ—въ пятигодичные, перенесены въ военно-сухопутный Николаевскій госпиталь и переименованы изъ акушерскихъ во врачебные.

Какъ разъ въ тотъ годъ, когда студентки должны были держать выпускной экзаменъ, началась турецкая война за независимость славянъ. Студентки заявили желаніе ѣхать на войну.

Благодаря хлопотамъ М. Г. Ермоловой и Н. И. Козлову, Красный крестъ и военное министерство приняли *25 студентокъ* въ свои госпитали, находящіеся на мѣстѣ военныхъ дѣйствій, и имъ, не имѣвшимъ еще диплома врача, отвели мѣста ординаторовъ и поручили самостоятельную медицинскую практику.

Женщины блистательно оправдали оказанное довѣріе. Всѣмъ хорошо извѣстно, какъ много говорили и писали тогда объ ихъ дѣятельности на войнѣ [1]). Потому говорить объ этомъ теперь вскользь, значило бы повторять всѣмъ давно хорошо извѣстные факты. Мы укажемъ только на одинъ изъ результатовъ этой поѣздки: многіе изъ врачей, прежде сомнѣвавшихся въ медицинской способности женщинъ, признали теперь въ нихъ своихъ товарищей по дѣлу, и покойный государь удостоилъ ихъ благодарности.

Женщина-врачъ безъ юридическихъ правъ, даже до выпускного экзамена, была признана врачемъ de facto, признана единственно въ силу самой *правды*! На первое время, для дальнѣйшаго *прочнаго* хода дѣла, такое признаніе было важнѣй самой юридической санкціи.

Борьба съ нищетой и разными невзгодами, которыя выпали на долю первыхъ студентокъ, разумѣется, обошлась имъ не легко. Чтобы вынести на своихъ плечахъ и непривычный усидчивый трудъ, и плохія матеріальныя условія, и враждебное отношеніе общества и т. д., для этого необходимо было обладать слишкомъ большими, далеко незаурядными физическими и нравственными силами. И эта борьба обошлась имъ не дешево: изъ 89 піонерокъ [2]) умерло *двѣнадцать*. Замѣчательно, что самый бóльшій процентъ смерти приходился отъ грудной болѣзни. По имѣющимся точнымъ даннымъ изъ 12 умершихъ женщинъ *семь* умерло *отъ чахотки!* Съ этою болѣзнью, и безъ того подтачивающей физическія силы, оказалось трудно, почти невозможно выносить тяжелую жизнь студентки — съ плохимъ обѣдомъ, плохой квартирой и массой труда... Потому нѣкоторыя не въ силахъ были вынести даже одного года: студентки умирали отъ чахотки съ перваго курса, умирали на III-мъ, на V-мъ [3]). Изъ

---

[1]) См. „Русскія женщины въ войну 1877—1878 г.“ Составилъ П. А. Илинскій.

[2]) Считая здѣсь и трехъ поступившихъ прямо на II кл.

[3]) На I-мъ курсѣ умерли: *Дубенская*, Елизавета Николаевна.
Кузнецова, Анастасья Алексѣевна
Тимоѳеева, Екатерина Ильинишна.
На III-мъ курсѣ умерли: *Голынская*, Софья Михаиловна.
Румбаумъ, Елизавета Христофоровна.
На V-мъ курсѣ умерли: *Крашевская*, Елизавета Александровна, и
Молтакова, Софья Романовна.

пяти умершихъ на I-мъ курсѣ только двѣ умерли не отъ чахотки: Ольга Ивановна *Шмакова* — отъ оспы въ новгородской губерніи, куда она поѣхала на святки къ роднымъ и откуда не возвращалась, и Софья Гавриловна *Воробьева* — неизвѣстно отъ какой болѣзни.

По окончаніи пятилѣтняго курса, *передъ самыми выпускными экзаменами*, когда уже ближайшая цѣль была достигнута, умерли четыре студентки. Одна изъ нихъ самая юная, Софья Романовна *Молтакова*, которой собственными силами приходилось выбиваться изъ грязи и нищеты (дочь рядового), умерла отъ чахотки во время выпускныхъ экзаменовъ. *Некрасова* умерла на войнѣ въ Систовѣ, заразившись тифомъ въ палатѣ тифозныхъ больныхъ, гдѣ она состояла ординаторомъ. Другія двѣ покончили самоубійствомъ: Павла Африкановна *Быстроумова* повѣсилась, бывши на войнѣ, и Александра Алексѣевна *Иванова* приняла синильной кислоты, отправившись по желѣзной дорогѣ изъ Петербурга въ Гельсингфорсъ.

Какой ужасной душевной драмой отзывается отъ этихъ двухъ смертей! Обѣ студентки вынесли пять лѣтъ борьбы, труда, лишеній и... недождавшись дня выпуска, покончили!.. Быть у цѣли, достигнутой такими упорными усиліями, вступать въ жизнь... и прежде чѣмъ переступить порогъ, отвернуться отъ самой жизни!.. Ужасно! Читая о смерти Быстроумовой, покончившей съ собой на войнѣ, невольно представляешь себѣ тяжелыя картины: «Все новыя битвы, новыя смерти и страданія... Рана горитъ, лихорадкой трясетъ... Сколько муки и тоски здѣсь!.. (людей) посылаютъ впередъ, ворочаютъ назадъ и кладутъ на поляхъ грудами мертвыхъ и еще стонущихъ, и копошащихся окровавленныхъ тѣлъ...» [1]) Не выдержала, бѣдная — и покончила!..

Оставшіяся въ живыхъ были у цѣли. Зимой 1877 года были назначены выпускные экзамены. По случаю войны они производились и въ слѣдующіе года. Всѣхъ покончившихъ курсъ и выдержавшихъ экзаменъ студентокъ считается *шестьдесятъ:*

27	выдержало экзаменъ зимой	1877 года.
29	весной	1878 »
3	держали въ	1879 году и
1	выдержала въ	1880

Любопытно посмотрѣть, куда разбрелись эти первыя женщины-врачи, что сталось съ ними, что дѣлаютъ онѣ?

---

[1]) Соч. Гаршина.

Не имѣя юридическихъ правъ врача, наши студентки тотчасъ по выдержаніи выпускныхъ экзаменовъ были приняты ординаторами въ больницы не только военнаго вѣдомства, которое, въ лицѣ графа Милютина, особенно сочувственно относилось къ женскому медицинскому образованію, но даже и въ больницы, состоящія въ вѣдомствѣ другихъ министерствъ. Такъ ихъ приняли ординаторами въ Петербургѣ: Надеждинская, Маріинская родовспомогательная, Николаевскій госпиталь, Рождественская, Елизаветинская и др.; въ Москвѣ—родовспомогательное заведеніе при воспитательномъ домѣ; въ Саратовѣ—Городская больница; въ Казани—университетская клиника; въ Кіевѣ—университетская клиника; въ Витебскѣ—Городская больница и т. д.

Въ одномъ Петербургѣ состоятъ ординаторами *семнадцать* студентокъ. Въ Москвѣ работаетъ при Воспитательномъ домѣ въ качествѣ ординатора—г-жа *Старкова-Веньяминова*. Многія изъ врачей этого выпуска занимаются частной практикой въ разныхъ городахъ Россіи. Нѣкоторыя успѣли при этомъ настолько заявить свои знанія и внушить такое довѣріе къ своей медицинской опытности, что пользуются полнымъ уваженіемъ и большой популярностью среди мѣстныхъ жителей. Даже въ такихъ многолюдныхъ городахъ, какъ Петербургъ, обильныхъ всякими медицинскими знаменитостями,—и тутъ не затерялись врачи-піонерки. Г-жа *Шабанова*, напримѣръ, пріобрѣла въ Петербургѣ репутацію хорошаго дѣтскаго врача и имѣетъ довольно обширную практику. Такой же хорошей репутаціей пользуются г-жи: *Петрова*, *Павловская*, *Заволжская*.

Недавно нѣкоторыя изъ студентокъ приглашены въ качествѣ врачей на Бестужевскіе курсы. Г-жа *Тарновская* и *Маляревская* взяли на себя эту должность изъ любви къ дѣлу. Другія приглашены петербургской думой врачами въ городскія народныя училища.

Г-жа *Больбатъ*, извѣстная со времени сербской и болгарской войны, какъ хирургъ, весьма успѣшно практиковала въ Екатеринбургѣ и даже Сибири.

Г-жа *Бестужева*, обратившая на себя вниманіе работами на войнѣ, стала извѣстна своимъ замѣчательно честнымъ отношеніемъ къ дѣлу во время ветлянской чумы, куда она ѣздила въ качествѣ врача, и гдѣ ее «встрѣчало и провожало благословеніе жителей».

Въ послѣднее время имена врачей-женщинъ стали встрѣчаться и въ медицинской литературѣ. Г-жа *Буховцева* недавно издала книжку: «Совѣты матерямъ»; г-жа *Бестужева* помѣ-

щала въ медицинскихъ журналахъ свои изслѣдованія; г-жа *Старкова-Веньяминова* дѣлала сообщенія въ «московскомъ медицинскомъ обществѣ»; г-жа *Шабанова* перевела со шведскаго языка книжку: «Шведская гимнастика для дѣтей» и т. д.

Нашлись между студентками и неудовлетворенныя медицинскимъ образованіемъ, оставшіяся при жаждѣ знаній и по окончаніи курса. Такова г-жа *Вашкевичъ*. Она поступила слушательницей на филологическое отдѣленіе Бестужевскихъ курсовъ.

Самый же большій контингентъ врачей-женщинъ ушелъ въ земскіе врачи. Это—та святая работа, тотъ дальнѣйшій трудъ, на который женщины берегли свои силы на курсахъ и, который ставили себѣ дальнѣйшей цѣлью по выходѣ изъ академіи. Пригодность женщины на мѣстѣ земскаго врача скоро оцѣнило само земство. Оно сочувственно протянуло ей руку, какъ только она успѣла покончить съ выпускными экзаменами.

Починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ новгородскому земству: оно первое въ 1878 году пригласило къ себѣ на службу женщинъ и отвело имъ мѣста врачей въ *семи* уѣздахъ своей губерніи. Его примѣру послѣдовали и другія земства.

Но женщинъ-врачей не переставали преслѣдовать непріятности и разныя препятствія. Ихъ ожидалъ новый искусъ. У нихъ не было юридическихъ правъ—и ихъ легко могли по первому произволу лишить мѣста, несмотря на знанія, полезность, увѣренность въ которыя оставалась за ними съ поѣздки на войну.

И дѣйствительно, 18 августа 1878 года циркуляръ губернскаго новгородскаго правленія «оповѣстилъ всѣ уѣздныя управы этой губерніи, что медицинскій совѣтъ, разсмотрѣвъ права лицъ, окончившихъ женскіе врачебные курсы при Николаевскомъ госпиталѣ, журналомъ отъ 31 мая, утвержденнымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, не счелъ себя въ правѣ разрѣшить этимъ лицамъ заниматься врачебной практикой».

Никакіе доводы, представленные новгородскимъ земствомъ въ пользу женщинъ, не были приняты во вниманіе. Министерство внутреннихъ дѣлъ отказало женщинамъ въ тѣхъ правахъ, какія признавало за ними военное и другія министерства.

Женщинамъ оставалось покориться неизбѣжной участи—уйти изъ деревень, оставить народъ безъ врачебной помощи, такъ какъ въ то время было весьма затруднительно по случаю войны найти на опустѣвшія мѣста врачей-мужчинъ. Народъ, провожая своихъ изгнанныхъ служительницъ, сожалѣлъ... плакалъ о нихъ. Но жители череповецкаго уѣзда новгородской губерніи такъ

энергично вступились за своего земскаго врача—Ольгу Аркадьевну *Машковцеву*, что, несмотря на всѣ циркуляры, она была оставлена на прежнемъ мѣстѣ. Г-жа *Машковцева* до настоящаго времени занимаетъ эту должность и пользуется исключительнымъ уваженіемъ всего земства и особой любовью своихъ паціентовъ «въ лаптяхъ и сермягѣ». Эта врачъ-женщина, безспорно представляетъ изъ себя одну изъ тѣхъ сильныхъ, крѣпкихъ, мало самолюбивыхъ натуръ, которыя трудятся надъ дорогимъ дѣломъ «безъ шуму» и только въ немъ находятъ свой отдыхъ и награду...

Со времени 30 іюля 1880 г.—день, когда покойный государь далъ женщинѣ право *самостоятельной врачебной практики* и пожаловалъ ей для ношенія на груди особый значокъ,—женщины-врачи снова появились на земской службѣ, даже въ отдаленныхъ окраинахъ Россіи и, подобно г-жѣ Машковцевой, заслужили среди своихъ сермяжныхъ паціентовъ названіе «милосердныхъ», посланныхъ самимъ государемъ. Такъ прозывали въ земствѣ курской губерніи Вѣру Петровну *Матвѣеву*, которая до поступленія врачемъ въ земскую больницу много работала на войнѣ.

Въ настоящее время,—по имѣющемуся у насъ подъ руками оффиціальному списку—на должности земскаго врача состоятъ *двадцать-четыре* женщины. Если припомнимъ, что кончившихъ курсъ студентокъ было 60 человѣкъ, то *число ушедшихъ на служеніе страждущимъ женщинъ-врачей составитъ процентъ громадный!*

Е. Некрасова.

Москва, 1 ноября 1882.